

Александр Машошин

ЗВЕЗДНЫЕ

ПОСРЕДИНЕ

НОЧИ

ВОЙНЫ

ЛЕГЕНДЫ

Посредине ночи

Александр Машошин

Посредине ночи

«Издательские решения»

2015

Машошин А. В.

Посредине ночи / А. В. Машошин — «Издательские решения», 2015 — (Посредине ночи)

Давным-давно, в Галактике далеко отсюда... Окончились Войны Клонов, неожиданно и трагично. Беспощадная Резня в Храме и Приказ 66 унесли жизни большинства джедаев. Возникшая на месте Галактической Республики Империя устроила охоту на уцелевших, стремясь стереть даже память об Ордене. И всё же, некоторым джедаям удалось выжить. В эту устоявшуюся, вроде бы, жизнь одной из них неожиданно вторгается пришелец с современной Земли. Земли, на которой Сага Джорджа Лукаса так и не появилась на экранах...

© Машошин А. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Часть первая. По Льянскому пути	6
1	6
2	13
3	21
4	28
5	36
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Посредине ночи

Александр Валерьевич Машошин

© Александр Валерьевич Машошин, 2015

© Анна Куликова, дизайн обложки, 2015

Редактор Сергей Когин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая. По Льянскому пути

Хотите верьте, хотите нет...

Буфетчик Шулейкин

И жили они долго и счастливо и умерли в один день...

Старая сказка

...но не все.

Автор

1

Степь, бескрайняя степь от горизонта до горизонта. Покрытая странным, синевато-серым ковылём. А может, и не ковылём вовсе, а какой-то другой, невиданной травой. Я шагал по ней уже который час, а далёкие горы у самого окоёма, казалось, не приблизились ни на километр. Вот уж угораздило так угораздило! И зачем, спрашивается, я вышел из палатки в тумане? Напиться захотел, называется. Ручей протекал совсем близко от места нашей ночёвки, поэтому на рассвете, когда солнце только-только начало подсвечивать лучами утренний туман, я решил, что легко найду его по журчанию воды. И первое время, действительно, шёл на звук, а затем как-то незаметно потерял под ногами едва заметную тропку в траве. Только после этого в голову мне закралось подозрение, что слишком уж долго я иду. Повернуть назад? А куда? Мне уже стало казаться, что слабое журчание воды доносится не с той стороны, а вот оттуда, правее. Или левее? А может быть, вообще из-за спины? Тут ещё подул ветер, и шелест травы вмиг заглушил ручей. Всё, надо остаться на месте, решил я. Скоро солнце и ветер разгонят туман, и станет видно, где наш лагерь. Когда туман рассеялся, я увидел вот эту бескрайнюю равнину. Ни дороги, ни машин, ни палаток поблизости не было.

Теперь я шёл в направлении далёкой горной цепи, чтобы делать хоть что-то, а не сидеть на одном месте. Всё, что осталось у меня – куртка, алюминиевая фляжка с остатками воды, часы на руке да ещё фонарь, случайно оказавшийся в кармане. Солнце начинало припекать, куртку я снял и закинул на плечо. Интересно, всё же, куда и, главное, **каким образом** меня занесло? Писатели-фантасты в своих книжках изгаляются, кто как может, объясняя такие вещи, а то и вовсе обходят эту тему. Попал чувак в параллельный мир и попал, и вся недолга. А там, как водится, дремучее средневековье, а то и маг на волшебнике, колдуном погоняет. И стал наш соотечественник сразу могучим рыцарем, а может быть, божеством. Успешно прошёл через сотню-другую испытаний, смертельных опасностей и передраг, совершил путешествие на край света, сокрушил главное зло этого мира и, конечно, в итоге женился на принцессе. Предполагается, что потом они жили долго и счастливо и умерли в один день. Увлекательная перспектива... когда читаешь, лёжа на диване. А в моём положении весёлого было мало. Свой организм я знал прекрасно, без воды у меня уже к ночи может подскочить температура, и состояние будет «идти могу, но только ползком». Одна надежда, что в этой степи течёт что-нибудь проточное, чем я не отравлюсь. Или вода есть в тех горах. Напился, называется, из ручья.

Жарко мне не было или почти не было: ровный «аэродромный» ветер, спутник всех открытых пространств, достаточно продувал рубашку, чтобы не потеть на солнце. Голову от палящих лучей я прикрыл, надев на неё воротник куртки. А что яркий белый свет немного слепит, так к этому можно привыкнуть. Дойду, ничего. Я посмотрел на часы. Время прибли-

жалось к полудню. Не передохнуть ли немного? Ноги-то не казённые. Тем более, на равнине наметилось небольшое разнообразие: впереди виднелись несколько пятен более высокой растительности, проще говоря, кусты. Под ними, вроде бы, была полутень, то, что сейчас нужно. И я взял левее, чтобы приблизиться к ним.

Кусты высотой в рост человека отдалённо напоминали то ли африканские акации, то ли степную карагану, растущую у нас на юге, но ни к тем, ни к другим явно не относились. Синевато-серебряные перистые листья, толстые короткие колючки и ветки, отчётливо разделённые на длинные «секции», как у бамбука. На всякий случай я оглядел ближайший куст повнимательнее, не водятся ли в нём какие-нибудь насекомые – о том, что они бывают опасно ядовитыми, знают все, кто учил в школе биологию или, хотя бы, читал фантастику. Никаких жучков-паучков в кусте не обнаружилось, и я, зайдя с теневой стороны, улёгся в траву рядом с кустом. Куртку предварительно повесил на ветку: будут идти мимо кочевники или там светлые эльфы, авось, заметят. А если орки, тоже есть надежда, что перед рабством дадут попить.

Мерный свистящий звук неизвестного происхождения я сперва принял за звон в ушах, когда же прислушался, он пропал. Почудилось? А вот трава шуршит под чьими-то ногами... Первый порыв вскочить я сдержал: не хватало ещё тут же получить в лоб пулю или, скажем, эльфийскую стрелу. Наоборот, надо принять спокойную позу и ждать. Только я успел прикинуть, что идёт ко мне, вроде, один человек – ну, или кто там – как над колышущимися метёлками травы показалась голова, затем плечи. Кажется, это женщина. Смуглая, слегка красноватая кожа, круглое лицо, большие и довольно светлые глаза, курносый нос с аккуратными тонко очерченными ноздрями, полные губы. Было в ней, пожалуй, что-то негритянское, а что-то, пожалуй, индийское. Ну, да, разрез глаз очень напоминал ту актрису из фильма «Дуэт», как её, Айшвария Рай, кажется. Одевание незнакомки состояло из плотной коричневой туники, подпоясанной ремнём, с пряжки которого свисала вышитая лента по форме точь-в-точь как мужской галстук «шире хари», белых узорчатых не то чулок, не то тонких брючек-стрейч, сапог с отворотами и кожаных же краг на предплечьях. На голове – странный головной убор: два длинных, сходящихся книзу хвоста по бокам головы, над ними две заострённые вершинки, и всё это расчерчено крупными горизонтальными полосами, словно платок египетского фараона, только в другой цветовой гамме, синевато-серое на белом. Подобное украшение вполне могло означать, что я действительно оказался в каком-то фантазийном мире. Смущали и белые, словно меловые, узоры над бровями, на лбу и щеках. Боевая раскраска? С другой стороны, туника и брюки – на них не было заметно швов, что могло означать достаточно высокий уровень развития технологий.

Женщина произнесла несколько фраз на неизвестном языке. Тон был, вроде бы, вопросительным, хотя непонятно, как у них выражается вопрос? В китайских, допустим, диалектах во вполне повествовательном предложении может встретиться до десятка различных интонаций, в том числе, на европейский слух, и «вопросительных». Ладно, будем считать, что она меня о чём-то расспрашивает, в данном случае, это логично. Хуже всего то, что я не понял ни слова. Язык звучал, как... не знаю, как что, в первый момент он показался мне похожим на смесь голландского с испанским, если возможна такая смесь. Женщина задала ещё один вопрос, более короткий, потом ещё.

– Извините, я Вас не понимаю, – сказал я.

Женщина наморщила лоб, в серо-голубых глазах её появилось такое выражение, словно она силится ухватить кончик какого-то воспоминания и не может.

– Эноо? – произнесла она.

– Я не понимаю Вашего языка, – повторил я, чуть перефразируя. И это неожиданно помогло, да ещё как!

– Словиоски, да? – воскликнула она. – Ты може мне разумети?

Можете себе представить моё облегчение. Язык, пусть не совсем похожий на русский, но с родными славянскими корнями!

– Да, могу, – ответил я. – Разумею.

– Уф-ф, – облегчённо вздохнула она. – Ты ес целы? Ты не больны?

– Нет, не болен.

– Добро. Откуды ты тут появил се? Тут никто не живе, тут мртвы мир.

– Я сам не знаю. Не бросай меня.

Она фыркнула и пробурчала что-то на своём, непонятном наречии. Впрочем, о смысле я догадался без перевода: мол, как только люди могут так плохо о ней думать.

– Встай, – женщина протянула мне руку и неожиданно сильным для своей комплекции рывком подняла на ноги. Добавила совсем просто и привычно: – Едем со мной.

Подхватив с ветки куртку, я двинулся за ней к транспортному средству – чему-то вроде мотоцикла. И только совсем уж вблизи разглядел, что у «мотоцикла» нет колёс! Он просто висел в воздухе в полуметре от грунта.

– Гравитационный привод? – пробормотал я, выронив от неожиданности куртку.

– Гравирепулсор, да, – кивнула она. – Чем ты так удивйен?

– У нас такого нет.

– Да што ес стало?? – изумилась она. – Дивно дело.

– Сам удивляюсь. Помоги мне понять, добро?

– Ох, я обычно то и делаю, – вздохнула она. – Непросты случай як мне друге имя.

– «Сложные случаи твоё второе имя»? – переспросил я.

– Да, – она улыбалась.

– А первое? Как звать тебя?

Оценивающий взгляд был мне ответом. Возникло чувство, что смуглянка колеблется, назвать своё настоящее имя или прикрыться псевдонимом. Секундная пауза, и она произнесла:

– Осока.

Знакомо звучащее слово. Совпадение? Или нет? Я назвал себя.

– Добро, – сказала она. – Не бои се ехати на тутом аппарате?

– А что, есть альтернатива? Ну, в смысле, другой способ?

– Нет. Ногами не дбйдем.

– Тогда поехали.

Осока потянула вверх отвороты своих сапог, прикрывая ими колени. Мне показалось, что в крайнем положении они тихонько щёлкнули, фиксируясь. Девушка легко вспорхнула в седло, сделала жест себе за спину.

– Обойми мне, – приказала она, когда я сел за ней. – Крепко, не бои се, я не кусаю.

– А я и не боюсь, между прочим. Просто вдруг у вас это не принято.

– Мне не ес приятно або неприятно, – Осока строго покосилась на меня через плечо. – Так нужно, або кости не сберешь.

– Нет, я не то сказал. Не то что «неприятно», а «не принято», не должно, не дозволено, разуме?

– Пшшш, – произнесла она, будто рассерженная кошка, и, взяв мои руки, соединила их у себя на талии. – Так! И держи.

Аппарат со свистом рванулся с места. Видимо, гравитационный привод был у него только подъёмным, а горизонтальное передвижение обеспечивал банальный реактивный двигатель под сиденьем.

– Я не брзо, спешити негде, – сообщила Осока. Действительно, полукруглая шкала между рукоятями руля, до боли похожая на обыкновенный спидометр, показывала зелёную светящуюся полосу едва ли на четверть длины. Но нельзя сказать, что это «небыстро»: воздух ощущимо бил в лицо, как на нормальном мотоцикле, когда едешь под 60. Интересно, какая у него

предельная скорость, у этого гравцикла? Триста? Больше? Тогда на предельной без шлема не покатаешься, задохнуться можно. Чтобы не так дуло, я прислонился щекой к пёстрому головному убору Осоки... и непроизвольно дёрнулся, ощутив, что никакая это не «шапочка», а живое тело! Мягкий кожистый нарост, заменяющий причёску!

– Извини...

– Ништо, то нормално.

Летающий мотоцикл скользил над степью, не касаясь травы, воздушная волна оставляла за нашими спинами расходящиеся «усы» колышущегося сине-зелёного ковыля. Местность перед нами начала понижаться, по сторонам поднялись небольшие пологие холмы. Осока накренила гравцикл, закладывая правый вираж за один из них, и я увидел, куда она меня везёт. Пепелац. Более подходящее слово подобрать было трудно. На коротких толстых лапах-опорах посреди травы стояло нечто труднообразимое, но явно сделанное из металла и явно способное летать. Сюрреалистическая скульптура древнего динозавра в духе Церетели, вот с чем его можно было сравнить. Роль туловища играл металлический куб со снятой на рёбрах фаской, из-под которого и были выдвинуты опоры. Хвоста – нечто вроде лежащего на боку американского железнодорожного контейнера, приваренного к кубу торцом. С другой стороны торчала массивная застеклённая «голова»-кабина. Сходство с динозавром в стиле техно несколько портили только массивные трубы четырёх ракетных двигателей, закреплённые на рёбрах «хвоста». Между двумя нижними была выдвинута довольно крутая рампа в нутро летающей колымаги. Не сбавляя скорости, Осока влетела по ней внутрь и затормозила в тесной квадратной камере два на два метра. Я сошёл на пол – или палубу? – и пошатнулся. Почему-то было трудно дышать, и голова кружилась.

– Что, утомила езда? – снисходительно спросила моя спутница, и вдруг взгляд её сделался тревожным. Совершенно не церемонясь, она повернула мою голову к светильнику, раскрыла глаз, вглядываясь в зрачок, затем притронулась ладонью к шее, между ключиц...

– Реакция! – обеспокоено сказала она. Рывком выдвинула из металлического борта перфорированный лист вроде длинной скамейки: – Седай, сейчас.

Я сел и вяло наблюдал, как Осока заряжает инструмент, в котором нетрудно было узнать медицинский инъектор. Примерилась не к шее, как я ожидал, а к груди, прямо сквозь одежду, слегка сдвинула вбок, чтобы попасть между рёбер, и нажала крупную кнопку на торце. Выбросила ампулу, вставила другую и сделала укол теперь уже в шею.

– Отдохни, затворю вход, – Осока отошла к рампе, нажала клавишу на коробке-пульте, прикреплённом к стене. С мерным гудением тяжёлый люк стал закрываться.

– Легче? – спросила она через плечо.

– Да. Дышать нормально. Голова только тяжёлая.

– Травы, пыльца. От них многие болеют. Идем внутрь, там воздух чист.

Раздвинулись вбок металлические створки, как двери лифта, за ними я увидел коридор и в торце его ещё одну двустворчатую дверь, ведущую в... рубку? Центральный пост? В нём помещалась пара глубоких кресел и две мягкие то ли скамьи, то ли лежанки вдоль бортов. Осока кивнула мне на правое кресло и неожиданно осведомилась, не осталось ли у меня каких-то пожитков на этой планете.

– Нет, – сказал я. – Почему ты спрашиваешь?

– На случай. Сейчас мы отгут улетим и не воротим се.

– Ничего у меня тут больше нет. Хотя... Можешь пролететь, как мы ехали? На случай, вдруг ещё кто-то тут оказался.

– Отчего же, мне несложно, – кивнула она.

Пепелац на удивление мягко оторвался от земли, плавно, как вертолёт, повернулся вокруг оси и с шелестящим свистом понёсся над травянистой равниной.

– Ты тут и был или пришёл? – спросила Осока, указывая на сероватые пятна кустарника.

– Пришёл. Примерно вот оттуда.

– Понятно, ийдем так.

На то, чтобы пересечь равнину от кустарника до следующей низины, где из травы выглядывали крупные замшелые камни, потребовалось всего несколько минут. Мимо камней я не проходил точно, и теперь становилось ясно: никого и ничего больше на равнине нет. Только какие-то летающие существа камнем спикировали от нас вниз и укрылись в траве. Осока вопросительно взглянула на меня, я кивнул, и она, потянув на себя рукоятку управления, начала набирать высоту, резко и круто. Тем не менее, ускорения не чувствовалось.

– Невесомость будет? – спросил я через некоторое время.

– Нет, как? Тут гравиторы внизу. У вас они не користают се?

– Нет, – развёл руками я. Слово «*використання*», то есть, использование, я знал из украинской мовы.

– Дивно будет тебе у нас, – покачала головой девушка. – Держи се, засвет!

Не успел я спросить, что это такое, «засвет», как Осока положила руку на длинный T-образный рычаг на консоли и двинула вперёд до упора. Далёкие точки созвездий вдруг расплылись, превратились в полосы, которые всё удлинялись, сливались... Миг – и сероватый призрачный свет залил всё остекление пилотской рубки. Ну ни фига себе! Теперь всё становилось ясно: мы перешли «за свет», за скорость света. Да как легко! Ничего так здесь технологии, если такой маленький корабль умеет совершать межзвёздные перелёты.

– Так объясни се сейчас. Кто ты, откуда ты и вообчи, – сказала Осока.

Я начал объяснять. Про свою планету, про наш уровень технологий, сказал о том, что других разумных существ мы не знаем, а в космос летаем совсем недолго и очень недалеко. Фразы я старался строить так, как говорила Осока, подбирая общеславянские корни, какие знал. В русском языке гораздо больше европейских заимствований, чем в украинском или польском, поэтому приходилось постоянно поправляться, искать эквиваленты. Лингвисты, наверное, пришли бы в ужас, но моя собеседница, к счастью, этот суржик понимала не хуже, чем я её «словиоский» язык. А через некоторое время она вдруг лукаво улыбнулась и предложила мне «не трудиться» и говорить так, как я привык.

– А я попробую понимать, – добавила она.

– Тогда будет трудно тебе, – возразил я.

– Нет. У нас часто есть подобные языки, диалект, понятно слово?

– Понятно.

– Учить один из другого нетрудно, когда знать, как. Правь меня, и я скоро-скоро научусь.

– Ну, изволь, – не стал спорить я. – Вообще-то, ты уже лучше говоришь.

– Буду совсем чисто, – пообещала Осока. – Как твоя глава... э-э, голова?

– Я и забыл про неё.

– Помогло. Хорошо. Не надо искать другой склад.

– Склад? – ага, опять отсылка к украинскому. – Имеешь в виду состав препарата?

– Да, состав. Видишь, мы стали совсем хорошо понимать. Отдельные слова незначны.

– Раз уж мы так хорошо друг друга понимаем, объясни мне теперь, пожалуйста, кто ты такая? Ты человек? И откуда знаешь славянскую речь?

– Ответить сразу всё? Или по очереди? – Осока хихикнула. – Кто я, спрашиваешь? Я *тогрута*. Полагается, что мы не люди, иной вид. Так говорят учёные людей. Мы не спорим и не стараемся убеждать, но на деле всё иначе. Некогда мы получились из смешения *тви'леки*, которые не люди, хоть подобны, и людей надсемьи *ари*. То несомненно, все анализы за то. Больше: у нас есть язык храмов, и словиоски – язык сучасных бреганцев...

– Современных, – машинально поправил я.

– Да-да, современных, подобен ему как младший старшему. Потому на Шили его много учат в школах. Полезно, Брег от нас недалеко.

– Язык храмов, – задумался я. – Санскрит, видимо, это он. Неужели я попал в собственное будущее?

Что чувствует звездолётчик, возвратившийся домой через несколько тысячелетий? Все родственники, все друзья давно мертвы, а родная планета затерялась в глубинах космоса...

– Если всё так, – медленно произнёс я, – то и ты, и все остальные происходите с моей Земли. А с того времени, когда жил я, прошли тысячи, возможно, десятки тысяч лет.

– Говоришь логично, але мне незнамо, что так может быть.

– Иного объяснения не вижу.

– В том случае мы с тобой сильно похожи, – медленно сказала девушка. – Я також одна, и мир мой рухнул.

– Что-то случилось с твоей планетой?

– Не с планетой, со всеми. То было в девять-восемь-один, одиннадцать рок назад. Вернулась с задания и узнала: тех, кого я знала и любила, умертвили их же солдаты. Почти всех. Тех, кто выжил, заманили в западню год спустя. И я, прежде достойный воин, теперь скитаюсь граничными мирами и за плату решаю проблемы всяких разных... – она вздохнула и не стала заканчивать фразу.

– У меня нечем платить тебе.

От пощёчины зазвенело в ушах. Губы спутницы кривились, она буквально выплёвывала слова:

– Кто говорил о плате?? Ты не «всякий»... – Осока помолчала, потом сказала сердито: – Или, как раз, «всякий», и хорошее отношение тебе також неведомо!

Она отвернулась к пульту и принялась остервенело щёлкать переключателями, лупить по кнопкам. Затем буркнула:

– Закончим за се. Выброшу на первом же жилом мире, и как знай.

– Осока...

Она не удостоила меня даже взглядом, пробормотав что-то непонятное, но очень эмоциональное. Материлась, наверное. Погодите-ка, «достойный воин», сказала она? Значит, надо попробовать вот что...

– Моя леди, – торжественно сказал я. – Я оскорбил тебя по незнанию. Скажи, как мне принести извинения, чтобы ты приняла. Готов на всё.

– На всё-ё? – она покосилась на меня, и глаза её блеснули яркой лазурью.

– Да, – кивнул я, ибо отступать было некуда.

– Ладно тогда. Думай впредь, что говоришь. До тебе я не наймица.

– Наёмница, – поправил я и торопливо добавил, опасаясь, что Осока не так поймёт: – У нас произносят «наёмник», «наёмница».

– Понятно, да, – уголки губ её чуть поползли вверх.

– Могу ли я просить тебя мне помочь? Ты ведь говорила, что сложные случаи – твоё призвание.

– Твой не сложный, он невозможный, – сказала Осока. – Не знаю, смогу ли. Что смогу, сделаю, говорила тебе уже. Але и ты должен мне помогать пока.

– Само собой. Ты для меня не наёмница, а я тебе не нахлебник. Что смогу, буду делать.

– Решили, – к Осоке, кажется, вернулось хорошее настроение. – Сейчас выходим из засвета. Сядь ровно, держись.

Предупреждение оказалось не лишним. На выходе из сверхсветового режима нас потрянуло так, что внутри «пепелаца» всё загремело. Что-то лопнуло со звонким щелчком, на пульте вспыхнуло несколько красных индикаторов.

– Авария? – спросил я.

– Поломка, – делая какие-то переключения на пульте, уточнила Осока. – Судно старое, всякий раз что-то ломается. Ничего, дройды справятся.

- Дройды?
- Механические работники для латания.
- Ремонтные роботы?
- Точное слово! – улыбнулась Осока, не слышавшая о Кареле Чапеке. – Роботы.

Видя такое спокойствие спутницы, я решил следовать её примеру. Ей ведь лучше знать, в каком состоянии этот корабль.

– Где мы сейчас? – поинтересовался я. – Далеко от того места, где встретились?

– Восемьсот... ах, да, тебе неизвестны наши измерения. Потом, ладно? Нужно подходить к станции.

Под полом рубки что-то негромко позвякивало и мерно шипело, затем стихло. Наверное, ремонтный механизм исправил повреждение и отправился отдыхать. Осока немного повернула корабль, включила двигатели и некоторое время смотрела на индикаторный экран, отображающий пучки кривых и окружностей.

– Немного не так, – пробормотала она, ещё подправляя ориентацию. Довольно кивнула и повернулась ко мне: – Всё, пока летим, можем говорить.

– Ты хотела рассказать про расстояние, – напомнил я.

– Да-да. Как у вас меряют длину?

К несчастью, у меня не было с собой планеты Земля, чтобы объяснить, что километр – одна сорокатысячная нашего меридиана. Хорошо было тому десантнику, который попал в древнюю Русь и показал кузнецам меры длины при помощи гильзы автоматного патрона! К счастью, я вовремя сообразил, что мой сорок шестой размер обуви тоже может служить отправной точкой – как раз тридцать сантиметров. Спутница подошла к делу научно: достала крохотный коробок с индикатором на плоской стороне, вытянула из него тонкую упругую проволочку и измерила ей мою ступню.

– Тридцать! – просияла она. – Стандартные меры.

И рассказала, что ближние межзвёздные расстояния у них меряются *треттами*, то есть, триллионами километров. Округляя – десятиными долями нашего светового года. Единица в тысячу третт, или девяносто пять световых лет, называлась *кводар*. Теперь хоть можно было оценить, что пепелац преодолел за считанные минуты восемьдесят светолет. А версия о том, что я в собственном отдалённом будущем, получила дополнительное подкрепление.

2

Космическая станция, к которой мы подлетели полчаса спустя, притулилась на небольшой, возможно, искусственно созданной плоской площадке на летучей каменной глыбе. Высокая тонкая башня, вынесенная далеко вверх – или в сторону – топорщилась многочисленными антеннами, под ней располагался небольшой стеклянный купол, а ещё ниже громоздился веер исполинских цилиндрических бочонков, под которыми смотрели светящимися зевами прямо в космос несколько ангаров. Осока немного пообщалась на местном языке с кем-то вроде диспетчера, достигла соглашения и под ровный свист двигателей заложила лихой вираж к одному из порталов.

– Люди работают без скафандров? – изумился я.

– Ну, да. Там воздух, держит силовая стенка, – ответила она.

Через минуту эта самая силовая стенка мягко прощуршала по наружной обшивке, и пепелац оказался в воздушном пространстве ангара. Для него тут было достаточно просторно, на стоянках вдоль посадочной дорожки покоились лохани и покрупнее. Корпевшие вокруг них техники и ухом не повели, когда мы проплывали мимо них. Посреди дорожки стоял служащий в блестящем мешковатом комбинезоне и шлеме, взмахами пары светящихся жезлов неоновом-красного цвета он показывал, куда рулить. Ну, ни дать ни взять, палуба американского авианосца! По сторонам нашей кабины ударили вперёд струи слабо светящегося ионизированного газа, и пепелац повис неподвижно. Осока развернула его на месте перпендикулярно дорожке, снова на мгновение включила тягу, давая задний ход. Толчок – посадка.

– Сейчас я должна отдать заказчику, что привезла, – сказала Осока, доставая из-за кресла небольшой сундучок. – Заправимся. Потом решим, как дальше. Можешь ждать тут или со мной.

– А что лучше?

– Со мной. Судно сторожить ни к чему.

Я было подумал, что «привезённое» хранится в сундучке, но Осока всего лишь вынула из него пару металлических предметов, напоминающих небольшие чашки с вырезом на одной стороне. Отодвинув кожистую «косицу» на виске, приоткрыла прелестное маленькое ухо, устроенное абсолютно так же, как у любого обычного человека, и закрепила одну чашку поверх него срезанной частью вниз. Затем проделала то же с другим ухом.

– Наушники? – поинтересовался я.

– Эноо... Не уверена, о чём ты. Они не для коммуникации. Защита. Мы, тогрута, можем слышать очень частые звуки, их усиливают *монстралы*, вот тут, – Осока коснулась похожих на рожки наверхий того, что заменяло ей волосы, – делают реже и направляют в ухо. Сильный механический шум может быть больно.

– Понимаю. На станции могут быть болезненные для тебя ультразвуки. Кстати, про звук мы говорим не «частый» и «редкий», а «высокий» и «низкий».

– Запомню.

– Меня-то ты хорошо слышишь?

– Как и раньше. На низкую часть слуха не влияют. Идём.

Вслед за Осокой я спустился на палубу ангара. С собой моя спутница прихватила небольшой компьютер, с виду устроенный примерно так же, как знакомый мне Apple Newton. Главным отличием местного варианта был цветной экран и два массивных штыря, торчащих из верхней части. Внизу Осока обернулась, щёлкнула чем-то на краге левой руки, и между рампой и предбанником, где был закреплён её гравцикл, вспыхнула красноватая пелена.

– Старайся не выказывать, что ты первый раз, – сказала она. – И не удаляйся от меня.

– Добро. А ты мне комментируй, что к чему.

– Коммен... что?

– Поясняй.

– Так бы и говорил. Спрашивай лучше ты, мне тут всё обычно и понятно, знаешь ли.

– А, ну, да, нас всё равно никто не поймёт. Кроме других тоггута и людей ари, верно?

– Не всех тоггута и тем больше не всех ари, – качнула головой Осока. – Я говорила тебе: то язык бреганцев и несколько иных планет. Другие ари, например, *набу*, давно-давно не помнят словиоски, ни Храмового, говорят на *базик*, стандартном языке. И мой народ так же. Незачем, базик понимают почти всюду.

– Выходит, мне с тобой несказанно повезло?

– Не обязательно, – скромно ответила Осока. – На моём месте у другого капитана был бы *лееркаст*,¹ он сумел бы лучше.

– Что такое лееркаст?

– Переводная машина, говорить с видами, язык которых недоступен.

– И мне пришлось бы разговаривать с ящиком? Пардоньте, бояре, благодарю покорно!

Ты не в пример симпатичнее.

– Ящика-то? Надеюсь.

В ангаре резко пахло озоном и какими-то химическими веществами, не то минеральным маслом, не то растворителем, деловито сновали многорукие роботы, кто на ножках, кто на гусеничных тележках, а кто и просто парил в воздухе на разной высоте. Живые существа передвигались более неспешно, я бы сказал, с достоинством. У меня сложилось впечатление, что это своеобразная традиция. Ну, как у нас «полковники не бегают, ибо в военное время это вызывает панику, а в мирное – смех». Палуба под ногами состояла из крупных рифлёных металлических квадратов, судя по звуку – довольно толстых. По металлу выпуклой, как дорожная разметка, краской-мастикой были нанесены многочисленные разноцветные линии и обозначения из непонятных символов. Из той же самой мастики состояли широкие, слегка пружинящие под ногами тёмно-зелёные полосы, назначение которых стало мне ясно, как только мы ступили на одну из них. Пешеходные дорожки. Некоторые участки дорожек выделялись перемежающимися тускло-жёлтыми линиями – знакомый символ пешеходного перехода. Символика, понятная любому мыслящему существу, обладающему цветовым зрением: идти можно, только осторожно, ворон не ловить. Освещался ангар квадратными матовыми панелями, подвешенными на пересечении тонких ферм, расчертивших пространство над стоянкой. По краям взлётно-посадочной дорожки проходили более массивные конструкции, поддерживающие пару сплошных световых линий с каждой стороны. Потолок ангара, подсвеченный лишь слабым отражённым светом, скорее, угадывался, чем виднелся в полумраке.

Через широкий низкий портал-ворота, по сторонам которого я заметил мощные сдвижные створки, мы попали в коридор. По дальней от нас стороне то и дело скользили летающие платформы, проезжали колёсные экипажи и дройды, для пешеходов же отводилась полоса у ближней стены, отделённая линиялым красным бортиком высотой несколько сантиметров.

– Господи помилуй, а это кто такой? – я не религиозен, но в тот момент ничего, кроме божбы, на ум не пришло. По коридору мимо нас шествовал... чёрт. Красноватая кожа, два изогнутых костяных рога над ушами, оскаленные в ухмылке острые зубы. Ухмылка была обращена к собеседнику, довольно обыкновенному, на мой взгляд, негру в сером с желтоватым отливом комбинезоне, снабжённом множеством карманов и ремешков не вполне понятного назначения.

– Дэвиш с Деварона, – пояснила Осока. – Похож на древнего злого духа, да?

– Один в один.

– На деле они не злые. Но верить им не верь. Постоянно забывают, что обещали.

¹ вероятно, от нем. Leierkasten – шарманка

Более узкий коридор, куда мы свернули, определённо считался непроезжим, слишком узок он был. Дройды, впрочем, попадались и тут, они старались держаться ближе к середине и двигались с уменьшенной скоростью, дабы не налететь на кого-то из прохожих. Несколько раз коридор пересекался с другими, столь же узкими или, наоборот, широкими, как тот, первый. Осока уверенно ориентировалась в этом унылом однообразном лабиринте, сворачивала на перекрёстках, пока не привела меня к небольшому холлу, где по сторонам широких складных дверей переливались оттенками розового и сиреневого непонятные мне надписи. Буквы мне были уже знакомы – точно такими же были сделаны все обозначения на корабле Осоки, да и в ангаре. По-видимому, разнообразием шрифтов здесь не увлекались.

– Местный бар? – предположил я.

– Бар у нас значит другое. Это харчевня, если по-словоски.

– Правильно, правильно. У нас его так называют из-за стойки, за которой стоит хозяин.

– На базик говорится «кантина». А бар – то действительно стойка или пульт, который возможно обходить кругом. Войдём.

Ох, подумал я, перешагнув порог. Давешний «чёрт» уже через минуту стал казаться мне милым и симпатичным по сравнению с чудовищами, которые расслаблялись в этом заведении. Ну, морды, ну, хари! Что там рога, рога это ерунда... Глазные стебельки, щупальца, присоски, коленчатые хитиновые конечности, подсказывающие, что обладатель их произошёл от насекомых... Люди на этом фоне инопланетной живности как-то терялись, хотя в зале их было, пожалуй, больше половины. Присутствовали и дамы: вот та, например, похожа на самую обычную земную секретаршу, эти две одеты в комбинезоны техников, ещё одна в полувоенного вида жакете, брюках и остроносеньких шнурованных ботинках викторианского стиля... Скорее всего, были женщины и среди негуманоидов, только я не знал, чем они отличаются от мужчин.

Осока решительно направилась к круглой барной стойке, где обслуживали клиентов два блестящих многоруких андроида и рослое мохнатое существо ярко-синего цвета. Курносая, как у собаки-пекинеса, мордочка-лицо, пышные бакенбарды, длинная зачёсанная назад грива. Приглядевшись, я обнаружил, что у бармена четыре руки! М-да, я как-то привык, что шесть и больше конечностей бывает только у членистоногих. Осока заговорила с ним на том самом тарабарском языке, на котором впервые обратилась ко мне на планете степей. Мохнатый оскалился – получалось это у него не только нестрашно, а довольно мило, несмотря на клыки во рту – пригладил одной из рук синий мех на макушке и ответил. Вот когда я ощутил резкий, похожий на спазм, укол одиночества. Вокруг были только инопланетные чужаки да люди неизвестных национальностей, долдонящие на непонятном наречии, а я стоял среди них, словно в пустыне. И не имел ни малейшего представления, что со мной будет дальше. Осока, видимо, вспомнив обо мне, бросила взгляд в мою сторону, ободряюще улыбнулась и сделала жест рукой: ещё капельку подожди. Удивительно: приступ тоски тут же отпустил. Я более спокойно стал вслушиваться в разговоры окружающих. А язык-то не настолько уж непонятный, если разобраться. Определённо, глаголы в пресловутом базике были из английского. Часть существительных – тоже. Уловил я и пару-тройку слов явно немецкого и испанского происхождения. Что до артиклей, то я не слышал вообще ни одного «an» или «the», не иначе, отмерли за ненужностью.

– Алекс, Гаргану говорит, что мой заказчик пока не явился, – наклонившись ко мне, сообщила Осока. – Придётся ждать. Тут есть свободные столики, сядем. Ты голоден? Местная готовка пускай и вызывает сомнения, а концентраты хуже в любом случае.

– На самом деле, я очень хочу пить, – признался я. – С самого утра.

– Никаких вопросов, *датарии* имеются. Какого рода алкоголь хочешь?

– Не алкоголь. Воды.

– Ох, прости. Когда мужчина говорит «*дрынк*», он обычно имеет в виду не воду, вот я и... – не закончив, она повернулась к бармену Гаргану. Тот, услышав просьбу, приподнял кустистые брови, хохотнул и смолк: Осока что-то добавила довольно резким тоном. Бармен произнёс два коротких слова и поставил перед нами штоф из чего-то, весьма напоминающего стекло. Внутри плескалась прозрачная жидкость, а в толще стеклянной массы был впаян зелёный лист неизвестного растения, на котором лежал воздушный пузырёк, словно капелька росы. Другая рука Гаргану сняла с полки тонкий стакан. Второй такой же стакан бармен наполнил чем-то рубиново-красным и поставил перед моей спутницей.

– Превосходная вода, – сказала Осока. – Кармелианская фабрика очистки. Идём вот туда в угол, посмотрим, что поесть.

– Скажи, «*сорри, лэд*» ведь означает «извини, парень»? – вспомнил я слова, брошенные мне Гаргану.

– Точно.

– Хм, получается, и базик ваш не совсем мне незнаком.

Круглый столик возле стены зала был рассчитан на четверых, именно столько сидений-табуретов располагалось по его периметру. Нетрудно было догадаться, что сиденье без спинки наиболее универсально: вдруг у посетителя хвост, как у чешуйчатого субъекта за соседним столиком, или какой-нибудь гребень сзади. В центре стола в углублении тускло поблёскивала крупная линза, окружённая металлическим на вид кольцом. Усевшись, я первым делом откупорил бутылку, налил полстакана воды и утолил жажду. Осока, поставив свой стакан на стол, притронулась к кольцу, и над линзой в воздухе сгустилось голографическое изображение – прозрачный шар с висящими внутри разноцветными кубиками и надписями. Касаясь разных его сторон и погружая пальцы в глубину, Осока «открывала» кубики, изучая текст.

– Хочу найти нейтральное, что не может быть вредно, – пояснила она.

– Сама-то ты что ешь? – спросил я.

– О, я это легко, вот так и так, – она выбрала несколько блюд.

– Думаешь, наша физиология отличается?

– Определённо нет, – сказала Осока. – Всё одно надо быть осторожными. Некоторые хуманы едят сырую рыбу и мясо, а у кого-то, кто не привык, может быть несварение.

– Да, сасими и строганина не для всякого желудка, – согласился я. – Всё же, я попробую то, что ешь ты, не умирать же с голоду.

– Добро. Гаргану, хэ! – крикнула она, перекрывая шум зала. Когда бармен повернул голову, указала на голограмму и произнесла, взмахнув ладонью, будто рубит что-то: – *Сэна-радэ, йе?*

Четверорукий сделал пальцами типично американский жест: О. К.

– И вот возьмём что, – моя спутница выбрала новый кубик. – Мужчина без мяса никуда не сгодится.

Обслуживали в этом заведении быстро. Осока ещё вертела шар меню, а к нам уже подлетел дройд в форме летающей кассы: прямоугольная задняя часть и полукруглый «фасад» с индикаторным экраном наверху, над которым возвышалась головка, состоявшая из двух видеокамер, микрофона и репродуктора самого кондового земного вида. Нижняя часть «кассы» выдвинулась, усиливая сходство, и дройд двумя парами свисающих по бокам хромированных манипуляторов выгрузил на стол два блюда под куполообразными крышками – одно побольше, второе поменьше, следом – высокую яйцевидную чашку, тоже закрытую сверху, пару тарелок и столовые приборы. В большом блюде горкой лежали удлинённые зелено-вато-бурые зёрна, в меньшем – нечто мясное, оформленное в виде соломки, как картофель фри. Когда Осока открыла крышку яйцевидной чашки, оттуда донёсся знакомый запах куркумы.

– Это разновидность риса, а там разновидность карри? – спросил я.

– Точно. Обычно всё смешивает повар, но нам нужен отдельный рис без приправ. Как знать, не заболит твой желудок от шилианских специй?

– Спасибо, Осока, ты очень заботлива. А что скажешь об этом мясе? Чьё оно?

– Коза. Во всех людских мирах козы и свиньи одни и те же. Думаю, и тебе можно.

– Честно говоря, козлятину и баранину я ел очень давно, – признался я. – У нас, в основном, свинина да говядина в ходу.

– Говядина?

– Корова.

– Ох, да, «*зво*» это же корова и есть. Мы на Шили их редко едим, больше молоко и продукты его брожения.

– Учítывая, что молитесь вы на санскрите, я не удивлён, в Индии коровы священны.

– Ешь же ты, хватит разговоров! – нахмурилась девушка.

Пока Осока поливала рис соусом и размешивала, я неторопливо жевал совершенно пресные зёрна, несмотря на цвет, по консистенции от нормального риса не отличающиеся нисколько. Попробовал полоску мяса. Пересолено. Зато если вместе то и другое, в самый раз. И тут к нашему столику приблизился чужак в длинном, до пят, буром плаще с капюшоном, из которого торчало рыло странного вида противогАЗа.

– Урдан, *ту мейд аз вейт!* – приветствовала его Осока. Хм, если «ту» обозначает то же, что в итальянском, она сказала, что он заставил нас ждать.

ПротивогАЗная маска зашевелилась. Да это не маска, это морда самого существа! Меня ввели в заблуждение круглые очки, закрывающие глаза. Голос чужака оказался утробно-гулким, что при таком строении «лица» вполне естественно, а речь – едва разборчивой. Кажется, он извинялся и о чём-то расспрашивал Осоку. Карие глаза, форма которых оставалась для меня загадкой, зыркнули из-за стёкол очков и в мою сторону. У меня сложилось впечатление, что интересен ему не я сам, а моя рубашка и часы на запястье.

– *Кубазы* очень любят информацию, – по-русски прокомментировала Осока для меня. – Он интересуется всем, что со мной произошло за эти дни. И тобой тоже. Утомительно, а ничего не поделать, пока не выпросит, он к делу не приступит.

– Обо мне, может, не надо?

– Не отстанет. Я насочиняю что-нибудь, ладно? А ты пока ешь, спешить негде.

Кубаз по имени Урдан допрашивал Осоку добрых полчаса, заглядывал в глаза, ворковал заискивающе, лишь бы рассказала что-нибудь ещё. По растущему напряжению в её голосе я понимал, что и она теряет терпение. Наконец, наплевав на этикет, Осока достала из кармашка на ремне два синеватых полупрозрачных предмета размером с насадку для отвёртки и такой же формы – шестигранные цилиндры. Урдана буквально подбросило на табурете. Торопливо порывшись под плащом, он выложил на стол нечто вроде картонной спичечницы из западного ресторана или отеля, отогнул обложку. Внутри в ряд, прижатые плоской ленточкой, лежали продолговатые пластинки из жёлтого металла, испещрённые символами. Деньги?

– Вот и всё, задание выполнено и оплачено, – подмигнула мне Осока, убирая упаковку в поясную сумочку. Впрочем, Урдан не собирался уходить. Как говорится, «а отметить?» Он вызвал шар меню и стал копаться в нём четырёхпалой конечностью. Губы Осоки сжались, она постучала пальцем по столу и сердито сказала что-то кубазу. Ответный жест его был по-человечески понятен без слов: «Ша, ша, уже никто никуда не идёт!»

– Что ты ему... – начал я.

– Сказала, что своих жуков он может вкушать тогда, когда поедим и уйдём мы.

– Он от насекомоядных, что ли, происходит?

– От них.

Вновь потянулся длинный обстоятельный разговор о том и о сём. Урдан опять засунул руку под плащ, вынул металлическое блюдце-оправу с линзой посредине. Над линзой скон-

денсировалось изображение головы коротко стриженного мужчины средних лет с волевым мужественным лицом и пронзительным начальственным взглядом.

– Генерал Хетт? – брови Осоки изумлённо приподнялись. Я чувствовал, что она взвешивает все «за» и «против». Бросив взгляд на меня, девушка тряхнула головой, словно сбрасывая наваждение, и сделала отсекающий жест рукой:

– *Но вэй! Сёрш энوزه контжактэ.*

Кубаз попытался уговаривать, но Осока была непреклонна. Утробно повздыхав, Урдан вывел на линзу другую голограмму – круглое лицо молодого человека с более мягкими чертами и сильно вьющейся шевелюрой, зачёсанной назад и прижатой лентой вокруг головы, как у древних мастеровых. Стал что-то объяснять. Осока слушала внимательно и задумчиво, опять покосилась в мою сторону и твёрдо кивнула, накрыв голограмму ладонью. Задала вопрос. Урдан суетливо вытащил из кармана плаща шестигранный кристалл, но не синий, а почти совсем прозрачный.

– *Лыст ис хирр*, – прогудел он.

Осока щелчком пальцев подозвала дройда-официанта. Бросила в открывшийся на его фасаде кармашек несколько металлических пластинок, не жёлтого, а белого цвета, получила сдачу в виде бурых кругляшков явно минерального происхождения.

– Уходим, Алекс, – сказала она. Помахала бармену: – *Тэнк*, Гаргану!

– Как ты его приструнила, этого кубаза, насчёт еды, – уже в коридоре восхитился я. – И он ведь послушался!

– Просто он меня хорошо знает. Что не так, я мило улыбаться не стану, получит в полный размер, – она помолчала и продолжала: – Вот так, Алекс, бывает, что узнаёшь. Выходит, не одна я осталась.

– Генерал Хетт тоже из ваших?

– Был да. Сейчас примерно что и я, но больше, как правильно сказать... охотится на существа. Убить, привезти живым... Урдан предложил мне поговорить с ним, откупить одну личность.

– Ты отказалась.

– Была бы одна, может, согласилась бы. А убьёт он меня, ты тогда что? Нет, сейчас нам с ним связываться несподручно.

Я старался ничем не выказать удивления. Неужели это хорошенькое создание и впрямь настолько равнодушно относится к вопросам жизни и смерти, что лишь моё присутствие удержало её от смертельно опасного подряда? Не девушка, а самурай какой-то. Осока, тем временем, продолжала:

– Лучше полетим мы к библиотекарю Рэйссу. Кубазы хотят купить у него копии неких книг, поторгуюсь. Заодно и с тобой что-нибудь узнаем, может быть.

– Что, кстати, ты ему сказала про меня?

– Уговор чести. И пусть попробовал бы спрашивать дальше.

Осока не торопилась назад на пепелац. Сначала она зашла в небольшое помещение, отделённое прозрачной стеной от зала побольше, похожего на обыкновенный офис, пообщалась через окошко с клерком и вставила свой планшет штырями в отверстия подоконника.

– Вот и маршрут нарисовался, – она кивнула на экран. – На время становимся почтальонами.

– У вас так принято, что почту возят... э-э, частники, не знаю, понятно ли выразился?

– Понятно-понятно. Да, принято так. Специальное судно посылать дорого стоит и может быть небезопасно. Поэтому возит обычно лайнер, а где постоянных маршрутов нет – тот, кто летит и соглашается.

Местное почтовое отделение работало на совесть. Пока моя спутница в отделе обслуживания оплачивала дозаправку, к пепелацу подвезли на летающей платформе целый шта-

бель контейнеров. В основном, они были кубической формы, самые большие – продолговатые, свинцово-серые, оконтуренные по периметру каждого бока яркой полосой, сине-бело-синей. На крышке каждого красовалась эмблема: вписанное в эллипс изображение «гераклового» морского узла. Бледнолицый худощавый парень в двухцветной униформе – серый с синим китель и синие с серыми лампасами брюки – дал команду, и платформа парой телескопических захватов принялась переставлять контейнеры на рампу, оставляя между ними лишь узкий проход. С каждого почтовый работник считывал планшетом, таким же, как у Осоки, коды на ярко-жёлтых табличках. По ширине табличка как раз помещалась между торчащими штырями, а высота различалась в зависимости от количества записанных данных. Насколько я мог судить со своей компьютерной специальностью, код был не магазинный штриховой, а нечто вроде аптечного PDF417, с матричной записью и коррекцией ошибок. Осока сканировала те же коды вслед за почтовиком. Закончив процедуру регистрации, они соприкоснулись штырями планшетов – как по рукам ударили.

– Здесь и повезём? – спросил я после того, как рампа заняла горизонтальное положение, закрыв проём.

– Зачем? Двигаем сюда и туда! – Осока указала в пустое пространство, непонятным образом появившееся по сторонам рампы. Ах, вон оно что! Стенами раньше служили подвижные створки, а сейчас они сложились вверх, к потолку.

– Тихо-тихо, – остановил я спутницу. – Мужчина здесь я, и тяжести – моя забота.

– Мне нравятся такие обычаи, – улыбнулась она. – Тот и вот эти два не трогай, только пол царапать, я их механизмом подниму.

Снизу доносились негромкие звуки: очевидно, заправщики заполняли ёмкости корабля топливом или, скорее, «рабочим телом». Не химические же у них ракетные двигатели, в самом деле! Вот загремели отсоединяемые шланги.

– Всё, летим отсюда! – Осока заняла пилотское кресло.

Снаружи человек со светящимися жезлами уже делал знаки: выруливайте. Минуту спустя ангар и астероид со станцией остались далеко позади, и вокруг корабля снова расстилалась чёрная бесконечность космического пространства.

На этот раз после прыжка через гиперпространство Осока с ходу включила двигатели и безо всяких коррекций разгоняла пепелац почти полчаса. Затем протянула руку к более светлой на фоне стены панели слева от себя, повернула переключатель. Один за другим загорелись в два ряда синие индикаторы, в секторах центральной шкалы вспыхнули жёлтые точки. Вращая два верньера – ну, ни дать ни взять рукоятки радиостанции «Север» времён Великой Отечественной – девушка вывела эти точки на середину каждого сектора. Корабль чуть вздрогнул, свет в кабине мигнул и снова загорелся ровно.

– Всё, – сказала она. – Остаётся долго и нудно лететь к следующей цели. Ближе выходить не стала, мало ли кто обнаружит эхо прыжка.

– А что, есть кто-то, с кем нам лучше не пересекаться?

– Есть. Потом расскажу. У тебя усталый вид, нужно отдохнуть.

– Да какое отдохнуть, не устал я! Мне ещё надо о многом тебя расспросить...

– Расспросишь, – мягко сказала Осока. Я не понял, когда это произошло, но мы уже стояли между креслами, и её пальцы держали мои руки. Она пристально смотрела на меня своими яркими глазами и продолжала нараспев: – Обо всём расспросишь. А я тебе буду рассказывать. Завтра, всё завтра. А сейчас отдохни. Вот лежанки. С какой стороны? Сюда? Хорошо. Ложись и спи, спи...

Вяло подумав, что это, должно быть, какой-то особый гипноз Осокиного народа, я улёгся на кушетку у правого борта. Глаза слипались. Я даже не поблагодарил, когда девушка сдвинула вверх по стене толстую спинку скамьи, освобождая больше места, ловко сдёрнула с меня

ботинки и подложила под голову продолговатый валик. И провалился в крепкий, бархатно-чёрный сон без сновидений.

3

– Алекс, Алекс, просыпайся! – меня легонько, почти ласково, потербели за плечо.

– Мам, ну, поспать не даёшь... – сонно пробормотал я. Открыл глаза и встретился взглядом с серо-голубыми глазами девушки с чудным именем Осока. Сейчас на лице её не было никаких полос или рисунков, и оно даже в обрамлении полосатой кожистой «короны» стало казаться каким-то более обычным, что, впрочем, ничуть не убавило Осоке привлекательности. Вместо вчерашней уличной одежды на ней была полотняная рубаша простейшего покрова «мешок с вырезом», чуть-чуть не доходящая до колен. Ноги обуты в подобие невысоких валежек, не из войлока, а из какого-то более мягкого однородного материала.

– Проснись, по нашему времени утро, – она отошла к пульту, взяла свой сундучок, вынула баночку с кремовой краской, кисть.

– Без узоров ты не менее красива, – небрежно заметил я.

– Да? – она отложила кисть. – Хорошо, не буду. Но смотри, никому не скажи, что видел меня без них.

– Считается неприличным?

– Хи-хи, считается, эта окраска у нас от природы. Люди, во всяком разе, в этом уверены.

– Не шутишь?

– Нисколько. Дело в том, что многие наши наносят этот узор навсегда, под кожу, и он не смывается.

– Разве здешние женщины моего вида не пользуются косметикой? Да нет, пользуются, я вчера сам видел в кантине! И татуаж наверняка известен.

– Что я могу тебе сказать, человек, – взгляд Осоки был полон иронии. – Я тогругта, загадочный хуман непонятной природы.

– Не нужно говорить так, хотя бы и в шутку.

– В каждой шутке зерно правды. В нашей Галактике *хенофобы* на каждом шагу. С некоторыми невозможно иметь дело, смотрят, как на животное. Рада, что ты не такой.

– Надеюсь, что нет. Честно говоря, некоторые инопланетяне вчера мне совсем не понравились. Долго нам ещё лететь?

– За пару часов поручусь. Возможно, побольше. Проходим астероидное поле. Видишь коричневый кружок? Планета Сокорро, вокруг неё крутится станция, которая нам нужна. Давай-ка поедим концентратов, и можешь донимать меня расспросами, – она улыбнулась.

По поводу вкусовых качеств корабельных сухих пайков Осока не обманула. Пахли они приятно, и только. По консистенции брикеты концентрата напоминали узбекские прессованные сухофрукты, как я, в общем-то, и ожидал – фантасты считают, что такими они и должны быть, чтобы зубы не выпали от долгого отсутствия натуральной пищи. Жевать и беседовать одновременно не получалось никак. «Мясное» блюдо по размеру точь-в-точь повторяло знакомые мне бульонные кубики, «гарнир» был как два таких кубика, сложенные длинной стороной. Его вкус воскресил в моей памяти аббревиатуру ПГК – пшённо-гороховый концентрат. Примерно таким он стал бы, наверное, если его сварить, а потом спрессовать в брикет. Запить вязкие брикеты Осока предложила «кофе», на деле больше похожим на ячменный эрзац.

– Упаковки бросай в ящик в прихожей, – попросила она. – Потом в двигателе сожжём. Я пока погляжу, можно ли поправить траекторию.

Только я забросил упаковочные плёнки в лючок мусорного ящика, как тихо шелестевшие двигатели взревели, словно воздуходувки промышленной вентиляции. Гравиторы под полом работали великолепно: я не почувствовал ни малейшего ускорения.

– Никого? – спросил я, вернувшись к пульту.

– Кое-кто есть, но нам неопасный, – отозвалась Осока. – Добыткички полезных излетаемых. Ловцы астероидов. Гляди...

Она покачала небольшой движок на джойстике пилотского кресла, поймав прерывистым колечком спроецированного на обзорное стекло курсора слабый огонёк. Провернула колёсико на рукоятке. Стекло замерцало, и вдруг фрагмент изображения стал стремительно приближаться и увеличиваться. Я увидел пепелац, ещё более угловатый, чем наш, и, кажется, намного более крупный. На носу его торчали вперёд и в стороны тонкие фермы, на концах которых пульсировало слабое свечение. Между ними содрогался, будто в конвульсиях, небольшой астероид. Яркие лучи полосовали его поверхность. При таком увеличении видно не было, но я догадался, что отбитые лазерными лучами куски породы отправляются напрямиком в расположенный ниже пилотской кабины разверстый рот заборника. Осока перевела фокус. Теперь на экране укрупнилось изображение другого астероида, его деловито толкали куда-то два небольших космобуксира.

– Притащат к дробильнику – придут посмотреть, кто мы такие, и нельзя ли нами пожить, – прокомментировала моя спутница. – Но не найдут.

– Почему?

– У нас экран, не даёт отражаться излучению. Увидеть нас можно лишь по следу двигателей. Когда я дала тягу, нас заметили, но след остался далеко позади, а предсказать наш путь их слабый *rexen*² не в состоянии.

– Да, но наши двигатели работают и сейчас. Не знаю, кстати, зачем. Разве нельзя лететь по инерции?

– Нельзя, если хотим быстро. На такой скорости междузвёздный газ чувствительно торкозит судно. Потом, мы идём по дуге, нос судна смотрит не совсем вперёд.

Осока предсказала всё точно. Доставив к кораблю-матке свою ношу, буксиры включили двигатели на полную мощность, превратившись на экране в мерцающие голубоватые звёздочки, и кинулись на поиски нас... не совсем туда, где мы находились.

– Нет, не найдут, – Осока хотела сказать что-то ещё, как вдруг рамка самого большого экрана на пульте трижды полыхнула багровым, прозвучал короткий резкий гудок.

– Ремни, скорее! – выкрикнула девушка. Руки её порхали над пультом с молниеносной быстротой. Стихло шипение двигателей, погас свет в рубке, затем я ощутил слабое головокружение и с изумлением уставился на свои висящие в воздухе руки. Хорошо, пристегнуться успел, а то плавал бы сейчас где-нибудь под потолком.

– Что случилось? – спросил я.

– Имперский *дестроер*. Вышел из-за планеты. Ни в коем случае нельзя попадаться им на проверку.

– Ты у них в розыске?

– Среди первых строк списка. Выяснят личность, сразу доставят к Лорду, и там либо умру, либо вернусь, но это буду уже не я.

Мне было прекрасно известно из телепередач, что такое «технологии зомбирования», поэтому уточнять, что именно могут сделать с Осокой, я не стал, вместо этого спросил:

– Перейти на засвет мы не можем?

– Это хуже, тогда за нами точно погонятся. Так – не заметят и уйдут. Вопрос, когда? Их патрули имеют случайное расписание.

– Будем надеяться на лучшее. А пока расскажи мне, что за имперцы такие?

– Империя – самое большое государство Галактики. Остальные по сравнению с ней как блохи на *тоон-тооне*. Возглавляют Император и Лорд, его ученик и правая рука.

² Вычислитель, очевидно, от нем. Rechenbrett, «счёты»

– Преемник, понятно, – невольно поморщился я, вспомнив нашего местного, недавно назначенного Преемника. – Не пойму только, как она образовалась, эта Империя.

– Раньше была Республика. Как сообщество звёздных систем. И выборная власть.

– Федерация. Демократия, – подсказал я.

– Да, и демократия была очень неплохая. Сенаторы от систем говорили, обсуждали и принимали мудрые законы. Правда, длилось всякое обсуждение очень долго. В 978 году появились те, кто хотел отколоться...

– Можешь так и говорить: сепаратисты.

– Да, сепы, короче. И началась междоусобица, четыре года.

– Дай, угадаю. А в сенате продолжали говорить, говорить и говорить, не обращая внимания, что ситуация изменилась.

– Почти. Они стали не успевать с решениями и упустили всё, что можно и нельзя. Как итог, канцлер отстранил от власти сенат и объявил себя императором.

– Ох-хо-хо. Почему мне это так знакомо?

– Наша история?

– Видишь ли, у нас тоже была большая и довольно неплохая страна. А потом началась пустая болтовня в парламенте, появились сепаратисты, в итоге страна распалась на части, и самый большой демократ фактически стал диктатором. А поскольку сам он слаб и чаще всего нетрезв, за него всё решают так называемые олигархи. По сути, обогатившиеся воры и мошенники. Делят имущество, между собой грызутся. А всё остальное население стало нищим.

– О-о, у вас даже хуже. Император, по крайней мере, не дал государству рассыпаться. В истории сколько раз бывало такое. Планеты дичали, забывали, как пользоваться техникой, как летать за свет...

– Вот оно что! А я удивляюсь, почему у вас такое смещение технологий. Голограммы, гиперпривод и такие допотопные пульта, прямо как у нас на Земле.

– Их проще делать, – кивнула Осока. – Голокристаллы, ядро гипердрайва, бласт-камеры используют все, а **сделать** могут очень редкие фирмы.

Осока, я чувствовал это, торопилась рассказать, объяснить как можно больше, пока **не началось**, на случай, если я останусь один. Об имперской армии, о бандитах, контрабандистах, корпоративных, торговых и банковских кланах, о том, что где-то, никто не знает где, существуют силы Сопротивления, то и дело больно кусающие имперский флот и армию за бока... Между тем, планета росла на обзорных экранах. Яркая точка возле неё превратилась в светлую чётточку. Казалось, мы летим прямо на имперский звездолёт. С виду он напоминал не то чудовищный бумажный самолёт, не то гранёный наконечник исполинского копья. И всё увеличивался, увеличивался...

– Ни хрена себе эсминец,³ какого же он размера?? – ахнул я.

– Чуть больше полутора километров, – Осока назвала меру длины привычным мне словом. – Это немного, класс «Прокуратор» больше примерно в десять раз. О нет! Они открывают ангар нашей стороны... Неужели там е *фосер*, и меня всё ж обнаружили??

Слово «фосер» было непонятным, но сейчас было некогда уточнять, поэтому я просто спросил:

– Что они будут делать? Вышлют абордажный корабль?

– Втянут лучом и вскрыют, как банку концентрата. Нет-нет, погоди. Приборы регистрируют что-то. Грузовое судно! Принимают грузовик!

С расстояния нескольких сот километров мы, пользуясь увеличением, наблюдали, как небольшой грузовой космолёт нырнул в ангар, и почти тут же исполинские створки начали смыкаться. Хорошо видимые в пустоте светящиеся струи ионизированного газа вырвались

³ Слово *destroyer* герой воспринимает как английский морской термин, означающий эскадренный миноносец

со стороны кормы, а из-под днища крейсера, более всего похожего на чудовищно распухший наконечник копья, появилось облако не то пара, не то мельчайших ледяных кристаллов.

– Сбросили отходы. Они уходят, Алекс, нас не заметили!! – Осока почти кричала. От избытка чувств я схватил её за запястье, сжал. А имперский крейсер внезапно сорвался с места, словно выпущенный из лука. Мгновение – и его не стало.

– Фу-у, обошлось, – она включила свет, искусственное тяготение, по очереди притронулась к четырём крупным клавишам в середине пульта, запускающим главные двигатели. Из дефлекторов под потолком потянуло свежестью. Только сейчас я почувствовал, какой спёртый в рубке воздух: последний час мы дышали в замкнутом пространстве корабля без всякой регенерации. Теперь буду знать, каково подводникам лежать на грунте, прячась от эсминцев и сторожевиков врага.

– Идём к станции? – спросил я.

– Да, – кивнула Осока. – Сейчас опасаться нечего. Напротив, хорошо даже. Имперские интенданты списывают много годного снаряжения и продают торговцам. После их визита будет широкий выбор.

– А как насчёт оружия? У тебя есть что-то, чтобы защититься в случае чего?

– В случае чего? – с улыбкой повторила девушка, будто смакуя это словосочетание. – Да, кое-что есть.

– Бластер?

– Тебе знаком этот вид?

– Понаслышке. В наших фантастических романах все герои пользуются ими. Они выбрасывают энергетический луч или плазму, верно?

– Плазму, – кивнула она. – Но я бластером не пользуюсь. Есть другие интересные.

– Например, твой арбалет? – я указал глазами на архаичного вида оружие, висевшее над дверью в рубку. Помнится, я сперва решил, что оно декоративное. Оказалось, нет. Вместо тетивы в нём использовалось силовое поле, генерируемое шарами на концах лука. Для болтов – здесь их, как любой материальный снаряд в оружии, называли «*слаг*» – в цевье имелся шестизарядный магазин. Болт мог быть обычным или «стеклянным», такой при ударе о преграду рассыпался на множество поражающих осколков. А самый мощный снаряд из металла, нарочно выдержанного в вакууме для придания пористости, на вылете из стволика заряжался плазмой. Разрыв от него не уступал по силе местным тяжёлым бластерам.

– Арбалет для серьёзного боя. Сейчас в нём нет нужды. Лучше вот это, – Осока поднялась с кресла и достала небольшой металлический цилиндр. – С помощью него убить трудно. Зато обезвредить – быстро и действенно. Иди, покажу, как обращаться...

На станции я вышел из пепелаца, неся в кармане так называемую нейронную плеть. Это устройство представляло собой рукоять из пластика и металла, из торца которой при нажатии кнопки выстреливал тонкий хлыст с плоским наконечником. Длину его можно было регулировать с помощью той же кнопки-ползунка, максимум – два метра. Наконечник, пока удерживаешь кнопку, прилипал к любой поверхности и мог воздействовать на нервные окончания чем-то вроде электроразряда, обжигая любое живое существо... кроме того, кто держит плеть в руке. Обращаться с таким оружием особого труда не составляло. Ещё перед посадкой я попробовал «пострелять» ею и без труда попал с максимального расстояния в индикаторную лампу размером с ноготь большого пальца. Впрочем, и с оружием на поясе я по-прежнему выглядел человеком сугубо штатским и абсолютно не космическим. Не то, что Осока. Из домашней рубашки она переделалась в военного вида тёмно-зелёный комбинезон с камуфлированными вставками, жилет, снабжённый многочисленными карманами, и ботинки на мощной подошве. На поясе у неё, кроме компьютера и кошелька, висели целых два металлопластиковых цилиндра, похожих на мой. Плюс арбалет подмышкой. В сочетании с нанесён-

ной на лицо раскраской и полосатыми хвостиками на голове это выглядело очаровательно. И довольно грозно.

– Имя моё временно забудь, – предупредила она прежде, чем открыть трап. – Старые враги, услышат – будем убирать трупы вместо покупок.

В который уже раз я поразился её непоколебимой уверенности в собственной силе. Она не сказала «нас могут убить», нет, именно «убирать трупы», как будто победила ещё до начала драки.

– А как к тебе обращаться? – спросил я.

– «Хонс». Меня так многие знают, из-за рожек.

Почтовый служащий с летающей платформой подждал нас у посадочных опор. Это был *виквай* – словно высушенный, обтянутый морщинистой кожей гуманоид в этакой деревенской рубашке без воротника и форменных сине-серых брюках, заправленных в ботинки. Манипуляторов у платформы не оказалось, поэтому контейнеры мы с почтальоном переставляли вручную.

– Вас подвезти? – скрипучим голосом предложил почтальон.

Осока не стала отказываться и правильно сделала: станция Сокорро была значительно больше предыдущей, а широкие коридоры позволяли ходить, не толкаясь, и передвигаться на платформах. Восседавая на контейнерах, мы могли наблюдать здешнюю жизнь поверх голов. Публика тут показалась мне поприличнее. Одежда изобиловала светлыми тонами и яркими красками, встречалось гораздо больше женщин – верный признак спокойного и благополучного места. Многие леди и мадемуазели были одеты совсем не для космоса: высоченные каблуки, платья, замысловатые причёски, украшения на обнажённых шеях и руках. А с полувоенным, как у Осоки, костюмом соседствовали всевозможные стилизации под него вроде камуфлированных топиков с оголённой спиной и свободно болтающихся на бёдрах широких ремней.

– Осока, что это за вид? – спросил я, указывая глазами на компанию девушек с разноцветной кожей, в ярких кофточках то ли из шёлка, то ли из металлизированного материала и сложных головных уборах.

– Твилеки, помнишь, я говорила, мой родственник. А та в платке мириаланка. У меня была подруга этой расы. Верила ей, как себе, а она меня... – она не договорила и печально вздохнула.

Девушки-твилеки отличались от Осоки тем, что два длинных отростка на их головах росли не от висков, а выше, за ушами, и были одного тона с остальной кожей. Третьего «хвостика» на затылке не наблюдалось вовсе. У каждой из трёх барышень отростки обвивала либо ленточка, либо кожаный ремешок, замысловато переплетённый, чтобы держался, а на голове плотно сидел открытый сверху мягкий полушлем из ткани или кожи.

– Симпатичный вид эти твилеки, – заметил я.

– Женщины очень гибкие. Посмотрим как-нибудь их танцы, это просто чудо. Но будь осторожен, они умеют пахнуть так, что сводят мужчин с ума.

– Феромоны?

– Правильно, да.

Платформа свернула налево, и перед нами раскрылся широкий бульвар, слегка изгибающийся вдаль. Посредине его тянулся ряд прозрачных аквариумов с какими-то растениями, под потолком мягко светилась матовая молочно-белая труба, заливая окружающее пространство ровным светом. Ближе к стенам по светло-зелёным дорожкам передвигались пешеходы, на центральных полосах сновали платформы и прозрачные пассажирские экипажи. Почтальон-виквай довёз нас до поворота на почтамт, распрощался и уехал, а мы, перейдя на другую сторону, миновали ещё два коридора-прохода.

– Вот и рынок, – кивнула вперёд Осока. Впрочем, я бы и без её подсказки догадался по внешнему виду. Почти от самого устья коридора начинались прилавки, притулившиеся возле стен, за ними сидели торговцы нескольких разумных видов, предлагая свой товар. Когда же коридор кончился, и мы вошли в основной зал, вероятно бывший ангар, меня аж передёрнуло: Черкизон. С тем лишь отличием, что здесь он располагался в трёх измерениях. На высоте примерно шести-семи метров над нашими головами были сооружены мостки, на которых тоже шла торговля. Значительная часть покупателей поднималась по трём расходящимся веером лестницам именно туда. Осока же повела меня в нижнюю часть. У входа ряды были неплохо освещены квадратными лампами, подвешенными к изнанке мостков второго яруса, но чем глубже мы заходили, тем темнее становилось. Нет, над проходами освещение работало прекрасно, а между ними, где торговцы хранили товар, большинство светильников было испорчено. И не разглядишь, что именно громоздится там штабелями: то ли контейнеры, то ли тюки, то ли накрытые чехлами агрегаты. Наверняка это было неспроста. Зачем покупателям видеть то, что им видеть не полагается? Расовый состав торговцев тоже заметно изменился. Если у входа значительную часть продавцов составляли безносые, с впалым ртом и оливкового цвета кожей неймодиане, то в этой части рынка они практически исчезли. Зато появились какие-то весьма подозрительные существа, прячущие свой облик под бесформенными плащами с надвинутыми капюшонами. Облик торговцев-людей тоже отличался. У нас сказали бы, что тут преобладают «чёрные», то есть, «субтропический» тип, похожий на кавказцев или арабов, и наравне с ними представители азиатской расы. Осока вела меня одной ей ведомым курсом, изредка оглядываясь и приговаривая:

– Нормально всё, нормально, идём.

Удивительно: я знал её всего сутки, тем не менее, у меня и в мыслях не было усомниться, подумать, что «заведёт и бросит». Уж не феромонами ли какими-нибудь, вроде твилекских, она меня приворожила? Да нет, конечно. Просто вместе с той самой невероятной уверенностью, о которой я уже упоминал, Осока излучала ощущение порядочности, надёжности. Подсознательно ощущали её силу и другие. Я вдруг обратил внимание, что в хаосе толкучки перед Осокой расступаются и люди, и чужаки. В какой-то момент девушка вдруг насторожилась, вся напряжилась, сделала длинный скользящий шаг в сторону... Раздался тоненький визг. Девушка держала за руку низенького, сильно обросшего человечка, в пальцах которого было зажато что-то квадратное, тёмно-бордовое, со сложным металлическим орнаментом вроде монограммы на плоской стороне.

– *Гимми*, – холодно сказала она.

– *Шайсе тогрута бичи!* – визжал человек. И вдруг встретился с девушкой глазами и поперхнулся. Потом прохрипел: – *Маста... Спэрр, маста...*

– *Гетлост*, – оттолкнула его Осока. Оглянулась на меня, сделала жест плечами и рукой: извини, мол, надо уж закончить начатое. Безошибочно вычислила в толпе чуть поодаль какого-то человека, стоящего на самом проходе, подошла и бросила квадратный предмет прямо ему в руки, проворчав:

– *Мадлэ*.

– Мелкие воришки вконец обнаглели, – пояснила она мне. – А этот растяпа долго бы не заметил.

– *Хонс, далин!* – к нам с распростёртыми объятиями направлялся среднего роста худощавый человек в бежевом комбинезоне и камуфлированном жилете.

– Вот с этим субъектом обычно имеют дело имперцы, – подмигивая, прошептала мне Осока. – Потерпи только, буду торговаться.

Как жаль, что я не знал ещё языка, чтобы следить за диалогом! Судя по интонациям и жестам, торговалась моя спутница отчаянно. Перебирала предложенные вещи, морщилась, фыркала, что-то решительно отвергала, другое откладывала для последующего сравнения.

В итоге для меня был отобран костюм нейтрального оливкового цвета, ботинки вроде Осокиных, длинная утеплённая куртка и брюки, более практичный ремень. Костюм мне понравился: не слишком грубый, но и не тонкий материал, множество карманов, верхнюю часть можно носить навывпуск, а можно, заправив в брюки специальной контактной полосой, соединить с ними в комбинезон. Размер оказался немного больше, чем надо, но торговец и Осока живо подогнали его по мне, регулируя боковые швы загадочным приспособлением, с виду похожим на массивный зажим со штопором. Ботинки тоже регулировались по размеру. Когда я их надел, поразился, до чего они удобны, нигде не давят, не трут, и ноге не жарко. Имелась у них и ещё одна полезная особенность: с помощью специальных элементов на подошве ботинки позволяли передвигаться в невесомости. Эти «липкие» элементы включались и выключались продолговатой клавишей на голенище. Из снаряжения Осока взяла два портативных *комлинка* – плоские овальные пластины, крепившиеся по здешнему обычаю на рукав одежды и выполняющие функции универсального переговорного устройства. К ним прилагались голографические модули, почти такие же, как я видел у кубаза.

– Мой давно неисправен, вот и замена, – сказала мне Осока.

Вернувшись к своему пепелацу, мы застали за работой того самого ремонтного дройда, о котором говорила накануне моя спутница. Его цилиндрическое тело примерно полметра длиной стояло вертикально на четырёх коротких лапках, ещё четыре, расположенные выше, были прижаты к корпусу. Тремя верхними манипуляторами робот копался во внутренностях откинутой панели управления. При виде хозяйки он несколько раз бибикнул.

– Хорошо, – кивнула Осока. Заметив мой удивлённый взгляд, пояснила: – Эти сигналы означают, что ему осталось четверть часа работы. Поедим, возьмём почту, и можно лететь дальше.

– Заправляться не надо?

– Нет, ещё на перелёт нам хватит.

4

За две последующие недели мы пролетели семь звёздных систем, дважды спускались на планеты. Оставляли почту, забирали новую, доставляли другие мелкие грузы, в общем, работали экспедиторами. Я повидал гигантский завод космических кораблей на Бахальяне, дымные города фабрик Ройса, жутковатую пересадочную станцию Дворец Пряностей, где собирались преступники всех мастей. Пряностями здесь называли психотропные вещества растительного происхождения и торговали ими в промышленных масштабах прямо под носом гарнизона имперцев, который базировался на планете, а саму станцию по странному стечению обстоятельств вниманием обходил, словно её вовсе не было. По моим подсчётам, количество видов разумных существ, которые мы встретили, перевалило за три десятка. Некоторые отличались от обычного человека не больше, чем сама Осока или тот рогатый дэвиш, хотя, по словам моей спутницы, часть из них развивалась совершенно независимо. Как твилеки, скажем. Другие напоминали зверей из сказок или же классических пришельцев, какими их изображают наши «уфологи». Попадались и виды, для которых вообще затруднительно подобрать аналогии, даже отдалённые. Всё же, человекоподобных рас было большинство, и некоторые живо напомнили мне грим актёров в фильмах режиссёра Дьёрдя Лукача «Стартрек IV: Последняя надежда» и «Стартрек V: Клингоны наносят ответный удар». Соплеменников Осоки мы видели только однажды – мужчину и девушку, возможно, его жену. Рога-монстралы мужчины превосходили размерами рожки супруги – и Осокины тоже – раза в два, у меня даже закралась мысль, не изменяет ли та ему. Хвостики-лекки, наоборот, были куда короче и толще. Пара прошла мимо нас под ручку, мужчина приложил руку к груди и вежливо наклонил голову, девушка подняла открытую ладонь. Осока кивнула в ответ.

Внутренние помещения Осокиного пепелаца с метким названием «Горгулья» оказались не такими уж тесными, как представлялось мне в первый день. За сдвижными дверьми по обе стороны от центрального коридора скрывалось несколько дополнительных комнат. По правому борту проходил параллельный узкий коридорчик, из которого можно было попасть в санузел, душ и кладовую – судя по откидным полкам-койкам в стене, бывшую каюту, сейчас набитую продовольствием и снаряжением. Вдоль левого борта располагался салон, по размерам чуть больше кухни нашей московской квартиры. Прямо напротив входа в углу громоздился внушительный ларь автоповара, к сожалению, неисправного. Дальше к корме разместились диван, массивный стол, в крышке которого скрывался мощный голографический проектор, а у дальней стены – два кресла. В салоне можно было прекрасно ночевать, но Осока, к моему удивлению, даже не попыталась выселить меня из рубки. Так мы и спали на лежанках позади кресел, при свете индикаторных огней пульта и далёких звёзд за почти невидимым остеклением. А перед тем, как уснуть, вели длинные беседы. Всё, что мне было неясно, девушка растолковывала охотно и подробно. По-русски Осока уже через несколько дней говорила не просто свободно, а так же чисто и легко, как любая девчонка из соседнего двора, лишь иногда глотала приставки или странно произносила какое-нибудь слово, совсем как болгары или сербы, невольно проводящие параллели между русской и своей родной речью. Я, в свою очередь, тоже начал немного понимать *базик* – местный всеобщий язык – хотя пока не так хорошо, как английский, и делал первые попытки говорить. Вероятно, я приспособился бы быстрее, будь в нём только земные корни, но, как объясняла моя спутница, часть слов была заимствована из языков *дуросов* и *ботанов*, гораздо раньше освоивших межзвёздные перелёты и космическую торговлю. За неимением внятных аналогий их приходилось просто заучивать. Осока показала мне *аурбей*, иначе говоря, алфавит, которым пользовались многие расы, в том числе, и для своих собственных языков. Начертание букв не имело ничего общего с земными: квадратики, галочки, крючки. Строчные и прописные не различались, как на Земле в грузинском или японском

письме. Узнать можно было, разве что, цифры, вот они почти не изменились. С некоторым удивлением я узнал, что имя моей спутницы принято писать с начальной буквы «А».

– Я всё время думал, это славянский корень, – признался я.

– У него есть смысл? – спросила девушка.

– Ну, да. Осока – такая трава, растёт по берегам рек, она сочная и мягкая, когда трогаешь листья сверху, а вот об край можно порезаться. Осечься.

– Хорошее слово.

– Главное, тебе очень подходит.

Она засмеялась, потом сказала:

– Написание могло и измениться, слабое «о» со временем стало «а».

– Не исключено, – кивнул я. – Белорусы, если я правильно помню, вообще писали «асака», потому что ударение у них на последний слог.

– Вот видишь. Будем считать, что так оно и есть.

Пока я получал информацию, лившуюся на меня щедрым потоком, всё было нормально. Но по мере того, как основные сведения укладывались в мозг, в голову начали проникать непрошенные мысли. Пятый день, как мы должны были вернуться из поездки, шестой... Я прекрасно представлял состояние родителей, когда ребята сказали им, что их сын просто исчез без следа на одном из привалов. Особенно мамы, уж я-то за тридцать лет не раз повидал, как она умеет волноваться, буквально с ума сходит.

Особенно остро я чувствовал свою чужеродность в этом мире, смотря передачи Голонета – здешней галактической вещательной сети, каналы которой по совместительству служили средством всеобщей связи. В каждой системе, куда мы прилетали, Осока обязательно просматривала основные местные новости, ну, и общегалактические за время перелёта. Сюжеты о звёздных флотах, строительстве заводов, городов, мега-магазинов, о новых товарах, курсе драгоценных металлов ещё ничего, это хотя бы полезная информация. Добывала политическая и светская хроника, в основе своей практически такая же, как на Земле: похожие события и сплетни, аналогичные скандалы и семейные дразги знаменитостей. И от этого ещё заметнее было, что на экране нет, да и не может быть ни одного знакомого лица, а есть десятки видов странных существ, причудливая одежда, неизвестные названия овощей, фруктов и вин. Доходило до того, что я не мог заставить себя даже любоваться красотой здешних женщин – а среди них попадалось великое множество по-настоящему прекрасных – потому что далеко не все из них относились к тому же виду, что и я.

Однажды ночью мне приснился дом. Знакомый вид из окна, деревья посреди заставленного автомобилями двора, детская площадка, школа... Я проснулся и вновь в сотый раз увидел за остеклением кабины незнакомые звёзды. Тут-то мне стало по-настоящему плохо, хуже, чем тогда, в первый день, в кантине. Из глаз, не спрашиваясь, потекли слёзы. Захотелось выть и кататься по лежанке, бить кулаками в проклятые металлические стены. Всё же, я сумел сдержаться и не издать ни звука, ни всхлипа. Не хватало ещё, чтобы Осока проснулась и увидела это позорище! Додумать я не успел, потому что моя спутница внезапно спросила:

– Алекс, что с тобой?

Я промолчал, понимая, что голос сейчас меня выдаст, и стараясь унять слёзы.

– Алекс, что? – настойчиво повторила Осока.

– Н-ничего, – как можно ровнее произнёс я. – Не спится что-то.

– Кого ты хочешь провести? Меня?? – фыркнула она. Поднялась со своего ложа, присела на край моей койки, толкнув бедром: – Двинься. А ну, рассказывай. Живо.

Вот тут меня словно прорвало. Я говорил, сумбурно, сбиваясь и перескакивая с пятого на десятое, обо всём сразу. О доме, о том, какие у меня замечательные родители, и как хорошо бывает у нас на Земле в ясную погоду, о грозах и снеге, о девушке, с которой мы встречались несколько лет, и которая так просто и легко бросила меня весной. Конечно, «если к дру-

гому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло», тем не менее, именно из-за неё я и согласился на эту поездку на машинах, будь она четырежды проклята. Диман с гражданской женой, Вовка и Гарик со своими девушками, а я седьмой, один, как перст, не пришей кобыле хвост... Не удержавшись, я впервые за это время вновь произнёс вслух самые страшные свои мысли. Что, быть может, всего этого нет уже десятки тысяч лет, ни родителей, ни дома, ни города, да и самой планеты. А я последний землянин в Галактике, бездомный Мафусаил.

– Ну, вот об этом даже думать не смей, – не дав мне закончить, перебила Осока. – Только в поступках разумных существ верным чаще всего бывает самое простое объяснение. А в странных явлениях природы и разгадка может быть неожиданной.

– Хорошо бы, кабы так.

– Так, только так. Найдём мы твой дом, где бы он ни был, даже в соседней галактике. Я и не с такими задачами справлялась, поверь мне. И не из такого выпутывалась. Найти нельзя то, чего нет.

– Или уже нет.

– Рассержусь, – пригрозила Осока. – Как не стыдно! Я вообще другого вида, а верю в твой дом больше, чем ты сам! Непозволительная слабость. А ещё мужчина.

– Не ругайся. Лучше расскажи что-нибудь. Твой дом, твоя планета, какая она?

– Разная. Так же, как и твоя Земля. Снег у нас бывает только на полюсах, где растут непроходимые леса. А ближе к экватору – Великая степь. И ветер гонит по ней пегие волны травы, от моря до гор и снова до моря. Это очень красиво в фильмах, – она помолчала и продолжала: – Сама я тоже, наверное, много раз видела, только уже не помню. Меня ведь отдали в Орден в четыре года. Моим домом был Храм, тот, что сейчас стоит сожжённый посреди Корусанта. А семьёй... да нет, не было у меня семьи, что я себя обманываю. Потом война. Потом... ну, я тебе говорила. Так я и зависла посередине дороги из ниоткуда в никуда.

– Вот и я сейчас оказался на такой дороге, – вздохнул я. – Как знать, может, действительно было бы лучше, если бы ты высадила меня тогда на первой обитаемой планете.

– Возможно сделать это и сейчас, – пожалала плечами Осока. – Но не стану. Куда ты пойдёшь?

– Ну, а тебе-то за каким хреном я сдался?? – неожиданно для самого себя задал я вопрос, не дававший мне покоя не меньше, чем мысли о тысячелетней пропасти времени. – Кто я? Та картина на стене, которая дырку на обоях загораживает?

– Дырку? – как-то очень тихо сказала девушка. – Да, пожалуй, что дырку. Огромную такую дырку на половину души. Алекс, я за весь последний год столько не говорила, сколько за эти две недели. Скоро дар речи терять начну. Верить, иногда обращаюсь в сервис с пустяковыми поломками, чтобы с образованными людьми поболтать. У них, конечно, тоже темы не блещут разнообразием. Но не с торговцами же общаться о ценах на *кушайан* и не с буфетчицами откровенничать?

– А подруги? – осторожно спросил я.

– Есть несколько... так называемых. Которые и видеть рады... раз в год. И пообщаться готовы... пару дней. Настоящая только одна, но и у неё не будешь гостить месяцами. Как ты там говоришь? «Гости, а не надоели ли вам хозяева»?

– Грустно, конечно, – сказал я. – И, всё же, собеседник – это не профессия. Ты сказала, что я буду помогать тебе, а я пока только хлеб зря ем.

– Пока ты набираешься знаний о нас, это тоже очень важное дело. Потом, когда будешь знать основы, сможешь и помочь.

– А вот сейчас ты напоминаешь мне мастера-наставника из монастыря Шаолинь, – поморщился я. И процитировал гнусавым нудным голосом буддийского, а может быть, католического монаха: – «Терпение. Вы всему научитесь, когда придёт время».

В полумраке кабины невозможно было разглядеть выражение лица, тем не менее, я буквально почувствовал, как брови Осоки удивлённо приподнялись.

– Неужели я веду себя, как они? – ужаснулась девушка. – Нет, только не это! Меньше всего на свете я хочу быть таким наставником. Вбивать в головы учеников замшелые догмы. Чтобы они потом, как я – только за порог и сразу на нижней ступеньке лбом о суровую действительность... – она тряхнула рогатой головой.

– Извини. Я имел в виду, есть наверняка что-то, чему я могу научиться и сейчас. Кроме как обращаться с нейронным хлыстом.

– Думаю, что да, – задумчиво произнесла она. И повторила: – Да, определённо. Завтра с утра буду учить тебя стрелять.

– Господи, неужели и здесь это самое простое, чему можно научить человека? – приторно вздохнул я. – Даже настолько замшелого варвара...

– Такой тон мне нравится гораздо больше, – очень серьёзно сказала Осока. И спросила, притронувшись к моей груди, где сердце: – Отлегло вот здесь?

– Кажется, да.

– Тогда спи. И запомни: будет плохо, достаточно просто сказать мне. Друзья для того и есть, чтобы не держать в себе.

– Хорошо, – кивнул я и машинально добавил: – Ты тоже, если что.

– Непременно. Спасибо. А по поводу стрельбы завтра поглядим, будет ли оно так уж просто.

Назавтра меня растолкали в семь утра по корабельному времени. Дали слегка поесть – очень слегка, чтобы не отягощать желудком остроту ума и скорость реакции. И принялись учить обращаться с корабельным оружием. «Горгулья» не была боевым кораблём, тем не менее, могла постоять за себя в случае нападения. Из-под пластин обшивки ниже рубки могла выдвигаться поворотная турель с парой плазменных пушек. Вторая скрывалась в хвостовой части между верхними двигателями, попасть туда можно было из бокового коридора. Обе турели имели практически одинаковую конструкцию: гранёный прозрачный блистер, орудия по бокам и место для стрелка между их казённых частей. Обзор отсюда открывался гораздо лучше, чем из рубки. При желании, турели управлялись и дистанционно, но тогда экран сильно ограничивал поле зрения. Место для учебных стрельб Осока нашла лучше некуда – астероидное облако в системе Эльшандруу, которое мы как раз пролетали. По словам моей спутницы, когда-то, до появления Империи, в этих краях базировались пираты и точно так же обучали своих канониров обращению с пушками. Хаотичное движение летающих глыб лучше всякого стрельбища с мишенями.

Приводы орудий были хороши. Даже слишком хороши. Турель вращалась чересчур быстро! А рукоятки управления, казалось, вообще не имели сопротивления. Я-то привык, что компьютерный джойстик, тем более, пульт управления реальной пушкой в реальной бронемашине, двигаются с усилием.

– Тише, тише, – остановила меня Осока, когда я, не рассчитав угол отклонения рычага, крутанулся вместе с турелью на полный оборот, будто в центрифуге. – Нежнее.

– Да они вообще невесомые! – возмутился я. – А тряхнёт корабль, куда пушки уедут?

– С чего бы? Это не колёсная повозка на ухабах, в космосе трястись не на чем.

– Попали в нас, допустим.

– На то есть противошоковая защита, она блокирует управление на доли секунды.

– Тогда другое дело.

– Ты целься, целься, – лежащая на полу рубки Осока подвинулась поудобнее и зажатой в правой руке лазерной указкой показала один из астероидов. – Захвати вот этот. Нет, срыв. Вон тот. Кнопка «Сопровождение»... Отлично!

Теперь пушки сами «вели» цель. А я, кажется, понял фокус. Чтобы легко и просто вернуть рукоятки в нейтраль, надо было не шуровать ими, а ослабить захват ладонями.

– Неплохо для первого раза, – похвалила Осока после того, как я разнёс на камешки три указанных ею астероида и промазал в один. – Попозже ещё потренируешься. А сейчас поднимайся ко мне. Бери управление.

– Здесь? В астероидном поле??

– Вот и выведи нас из него. Давай-давай. Скорости почти равны, справишься.

– Чтобы научить плавать, брось в реку, да? – бормотал я, маневрируя между мелкими камнями. – А-а-ай!! Вот ё...

– Ну, увернулись же, – философски заметила Осока. Она сидела в соседнем кресле, закинув ногу за ногу и скрестив на груди руки.

– Ах, так? Ладно!

Я «ударил по тормозам», останавливая «Горгулью» среди летучих камней, и движениями рукоятки ориентации медленно закрутил его вокруг двух поперечных осей сразу, выискивая просвет пошире. Вот, кажется, то, что нужно. Остановить вращение было легко, в пустоте корабль слушался хорошо, а как обращаться с ручкой управления, я теперь знал. И – тяга! Эх, спасибо вам, обе «Элиты», и тебе, «Винг Коммандер»,⁴ все четыре части!

– Вроде, получилось? – покосился я на Осоку, когда пепелац проколол пояс астероидов перпендикулярно эклиптике и выскочил в чистое пространство.

– Ты точно никогда не летал раньше? – подозрительно прищурилась Осока.

– Только в компьютерных играх.

– Славно. В таком случае, этим пока можем не заниматься. Садись снова в турель, я подведу нас поближе к камням, и продолжим со стрельбой.

Раз уж меня допустили к управлению, вечером в ангаре очередной станции я решил попробовать поразбираться с местными «рехенами», то есть, компьютерами. Что я, зря после института семь с лишним лет работаю по этой специальности? При поверхностном знакомстве ни какого-то удивления, ни, тем более, восторга, здешние компы у меня не вызвали. В мире, где люди заселили всю Галактику, могло быть и получше. На пульте пепелаца, например, даже экран был не голографический, а обычный плоский. Пока спутница мирно спала на своей лежанке, я стал изучать незнакомую операционную систему. Тут всё тоже оказалось организовано довольно логично и вполне ожидаемо: меню, «галочки» параметров, «радиокнопки» взаимоисключающего выбора, поля ввода... Поначалу несколько мешал чуждый алфавит, его пока приходилось разбирать по буквам. Осторожно полазив по всем менюшкам, я в первом приближении начал понимать, что куда. Вопросы «это зачем же они так крепят?», конечно, возникли, но ничего. Нормальная, в общем, система.

На следующий день, пока мы потихонечку подкрадывались к Суарби, очередному пункту нашего путешествия, Осока включила голографический проектор в салоне и принялась крутить передо мной карту Галактики, объясняя, где какие живут разумные виды, где какая власть: имперцы, местные самостийники, мафия. Я почти сразу обратил внимание на некоторую однобокость расположения обитаемых систем: все они концентрировались с одной стороны от ядра, с другой же простиралась довольно большая область, где также горели редкие искорки звёзд, а названий планет не было.

– Известные территории, – пояснила на мой вопрос Осока. – Мне кажется, там и следует искать твоё Солнце. Надеюсь, библиотекарь что-нибудь раскопает в старых архивах.

– Завтра пос... – я вовремя прикусил язык и поправился: – то есть, крайний прыжок?

⁴ Elite и Elite 2 Frontier – космические симуляторы компании Acornsoft, 1984 и 1995; Wing Commander – космический симулятор компании Origin Systems, 1990—1994.

– Да, и мы в системе Панторы. Там на околозвёздной станции работает та самая моя подруга. У неё можно спокойно передохнуть.

– Погоди, мы же хотели к библиотекарю?

– Так он живёт на Орто Плутонии, парной с Панторой планете, на заброшенной базе республиканцев. Получим данные, а на станции всё спокойно обдумаем.

На Сасевфи, основную обитаемую планету в системе, вернее, спутник оранжево-белого газового гиганта Суарби-7, Осока садиться не стала, даже близко не подошла, обогнув по гигантской дуге. На мой вопрос, почему, ответила коротко:

– Там обитает Тьма.

Именно так, с большой буквы прозвучало у неё это слово. Чувствуя, что она не расположена вдаваться в подробности, расспрашивать я не стал. На ужин остановились на транзитной базе, расположенной на другом, совсем маленьком спутнике, изрытом сплошь коридорами, будто сыр дырками. Некоторые пещеры явно имели естественное происхождение, примерно такое же, как в пресловутом сыре. Одна, диаметром более чем в километр, была приспособлена под посадочный грот для небольших кораблей. Крышей здесь служил сплюснутый купол, в котором имелось четыре затянутых силовой стенкой окна-портала. Нам досталась стоянка у самой стены, в этом месте искусственно подрезанной, чтобы получить больше свободного места. Длинный извилистый коридор вывел нас в соседнюю пещеру-чашу, значительно меньших размеров. Именно её светящийся купол из высокопрочного прозрачного материала был издали виден снаружи. Сейчас в дополнение к искусственным светильникам по окружности купола сквозь него сиял в полнеба газовый гигант, заливая улицы светом, напоминающим жёлтые натриевые фонари земных городов. Практически вся чаша представляла собой городок, нечто вроде высокогорного кишлака. Небольшие домики занимали не только дно, они карабкались по наклонным стенам вверх, где в пять, а где и в семь ярусов. До купола оставалось меньше половины высоты, и я подумал, что, если так пойдёт и дальше, рано или поздно крышей очередного яруса станет сам купол.

– Помнишь, я обещала показать танцы? – улыбнулась Осока. – Тут самое место. На любой вкус. В основном, конечно, кантины с танцами особого рода...

– У шеста? – усмехнулся я.

– В том числе. Значит, ты понял. Но есть тут одно заведение другого рода. Сюда.

Заведение оказалось не кантиной, а небольшим театром с залом от силы на полторы сотни зрителей. Взималась и плата за вход. Публика, пришедшая посмотреть программу, также несколько отличалась от посетителей кабаков. «Вестерноватые» космические волки с бластерами присутствовали и здесь, но и они были в целом почище и лучше выбриты. Доминировали же мужчины в униформе с эмблемами каких-то явно серьёзных компаний и женщины в платьях. На сцене вспыхнул свет, и посреди неё возникли, как будто телепортировались, четыре танцовщицы-твилеки. Кожа каждой из них отличалась цветом. Голубая, зелёная, ярко-сиреневая и золотисто-жёлтая. Тела танцовщиц обтягивали короткие комбинезоны цвета их же кожи, расчерченные наискось зигзагами контрастных полос.

Как описать неопишемое? Как передать непередаваемое? Странная, то и дело меняющая ритм музыка и четыре прекрасные женщины четырёх разных цветов. Гибкостью и грацией они превосходили всех, кого я когда-либо видел. Пожалуй, что-то отдалённо похожее проделывали со своими телами лишь китайские цирковые акробатки, но то юные девочки, а здесь были взрослые великолепно развитые женщины! Вместе с музыкой менялся не только темп, а и характер движений. Убыстряясь, они до какого-то момента оставались плавными и текучими, и вдруг становились ломаными, дёргаными, словно у кукол. И шли на замедление, так же, рывками. Когда же после серии «механических» движений и статичных поз танцовщицы вдруг перетекали в плавную фазу, трудно было удержаться от восхищённого вздоха. Другой танец был даже не танцем, а полётами в пространстве сцены без опоры. Девушки оттал-

кивались от пола, кулис, потолка и парили в искусственно созданной невесомости, соприкасаясь друг с дружкой и так меняя свои траектории. Только здесь и сейчас я увидел, что их легки подвижны, словно щупальца, легко оплетают кончиками руку или лодыжку, сплетаются с головными хвостиками партнёров. В заключение все четыре легонько оттолкнулись от задника и проплыли над зрительным залом, а, коснувшись стен, соскользнули по ним на пол.

Гром аплодисментов был им наградой. Мужчины вскакивали со своих мест, аплодировали стоя, некоторые подходили к исполнительницам и выражали восторг вполне земным способом: становились на одно колено и целовали руку. А к рампе, тем временем, вышла дама в длинном платье.

– Владелица? – спросил я Осоку.

– Да.

Зрители что-то говорили хозяйке, некоторые перегибались через ряды сидений, видимо, о чём-то просили. Она улыбнулась, покачала головой и развела руками.

– Продолжения не будет, – констатировала моя спутница, пробираясь к выходу. – А жаль.

– Они просили выступления на бис?

– Нет, хотели, чтобы мадам спела. Она в молодости выступала в опере, потом давала концерты. Иногда и сейчас соглашается что-нибудь исполнить. Долго ей петь трудно, возраст, связки не те.

Газовый гигант скрылся за горизонтом, и в городке-чаше стало заметно темнее. Изменились цвета: искусственные лампы были ближе к обычным люминесцентным, бело-голубоватые. Мы медленно шли по улице в направлении посадочного грота.

– Стой, – прошептала вдруг Осока. – Ох, ребятки, как вас много-то...

– Что? – не понял я.

– Нас караулят. Вон там. Грабители, скорее всего. Шестеро. Не будем связываться?

– Не стоит, – согласился я.

– Назад и за угол, быстро! – скомандовала Осока. – И наверх!

Козырёк одной из крыш был сравнительно невысоко, можно достать, подпрыгнув. Как я оказался наверху, сам не понял, руки без особого труда втянули мою не лёгонькую тушку на крышу. Видно, не зря говорят, чувство опасности удесятеряет силы. Мгновение спустя рядом оказалась Осока. Мне на миг показалось, что она просто **запрыгнула** ко мне, не подтягиваясь на руках, но это, должно быть, оттого, что я до сих пор находился под впечатлением танцев в невесомости.

– Замри, – шепнула она, приложив палец к губам. Внизу уже слышался топот ног грабителей.

– Где они? Где? – раздались голоса. Затем гопники разделились по двое и бросились в разные стороны искать нас.

– Осторожно перебираемся на тот дом, потом на следующий, – тихо распорядилась Осока. – Те двое явно будут караулить вход в тоннель, но мы их легко пройдем. Плеть не потерял?

– Обижаешь.

– Вот и хорошо. Не жалею, стреляй в лицо, в одежде может быть токопроводный слой, он ослабляет воздействие.

Двое бандитов, и в самом деле, перекрыли путь к стоянкам кораблей и дожидались, пока подельники выгонят на них добычу. А добыча-то сама перешла в наступление. Нам повезло, оба ненадолго отвлеклись, заметив что-то на соседней улице и, когда мы, вынырнув из тени крайнего домика, бросились на них, среагировали с опозданием. Наконечник нейронной плети влип одному в щеку, парень конвульсивно дёрнулся и, закатив глаза, привалился к стене. Второй гопник, постарше, стал жертвой удара ботинком между ног. Осока провела

этот приём в подкате, как заправская каратистка, лишив бандита возможности кричать, а возможно, и иметь детей. Пока он хрипел от боли, кулак девушки угодил ему точно в переносицу.

– Посмотри у того оружие, – велела она мне, хлопая по карманам потенциального мерина. – Игольник? Вот гадёныш! У моего только нож. Нет-нет, забирай, это наши законные трофеи. А теперь мотаем отсюда!

Плюхнувшись в кресло, я никак не мог отдышаться после пробежки. Осока же совершенно не запыхалась.

– Ну, вот, – весело сказала она, выводя «Горгулью» в открытый космос. – И искусством насладились, и спортом позанимались.

– Ничего себе «спорт»!

– А как это ещё назвать? Драки, по сути, и не было. Мы их просто перехитрили. Жалко, в кантину не зашли, придётся опять концентраты есть. Последись за курсом? Я пойду, разогрею что-нибудь.

– Конечно.

Ночью мне приснился сон, будто в корабле опять невесомость, как в тот день, когда мы прятались от имперского разрушителя. И Осока, ловко проплыв наискосок через всю рубку, прижимается лбом к блистеру и манит меня рукой: иди сюда, посмотри. А за стёклами величаво проплывает подёрнутый белой ватой облаков исполинский шар Земли.

5

Планета Орто Плутония издалека походила на белый пуховый шарик. Чем ближе мы подлетали, тем больше деталей становилось видно на её поверхности. Скрученные, как мини-галактики, циклоны, чёрные крапинки скал и каньонов, и снег, снег, снег. Полярные области в разрывах облачности сверкали в свете звезды, словно хрустальные.

– В районе базы погода, кажется, нормальная, – сверяясь с картой на мониторе, заметила Осока. – Попробуешь сам посадить «Горгулью»?

– При одном условии: ты не будешь сидеть, как барыня, а подстрахуешь. С атмосферой шутки плохи.

– Обзывается ещё, «барыня»... Тормози, а то проскочим.

Сделав нисходящий виток вокруг планеты, мы погрузились в её атмосферу и понеслись, замедляясь, над краем одного из циклонов.

– Добавь тяги, проваливаемся, – давала советы Осока. – Снижаться пока рано. Вот там, где край, начнёшь понемногу сбрасывать скорость, и как раз попадём к базе Глид.

– И где она? – спросил я, когда мы, наконец, пролетели последние облака.

– Ориентируйся вон на те скалы. Сесть нужно в долине между ними. Хорошо-хорошо! Врубай репульсоры. Гасим горизонтальную скорость. Нет-нет, рано. Видишь пик справа? В нём и находится база. Постарайся прижаться ближе. Выдвинь опоры. Убавляй потенциал на репульсорах. Всё, сели!

Хорошо, что предусмотрительная Осока запаслась на Сокорро тёплой одеждой! Судя по смачному хрусту снега под ногами, температура около базы была ниже минус десяти. Притираться вплотную к скалам я побоялся, и метров двести нам пришлось идти по щиколотку в сухом снегу. У входа, представляющего собой портал-пещеру в скале, намело длинный язык снега, немного не достигающий до внутренних ворот. Створки их оставались плотно сомкнутыми, но стоило нам подойти ближе, как в толще металлической воротины, скрипнув, открылась небольшая калитка. На пороге, загораживая вход, стоял сутулый молодой человек с зеленовато-жёлтым лицом, покрытым в нескольких местах мелким узором татуировок. Мириаланец, вспомнил я название расы.

– Что вам угодно? – спросил он на базик. – Здесь частное имение.

– Мы хотим видеть Джин-Ло Рэйсса, – вежливо сказала Осока.

– Мне такой неизвестен. Улетайте. Это частная собственность.

Осока глубоко вздохнула. Плавным движением провела рукой перед лицом стража и гулким низким голосом произнесла:

– Мы можем пройти к библиотекарю Рэйссу.

– Вы можете пройти к библиотекарю Рэйссу... – ословело повторил стражник, отступая с дороги.

– Впечатляет, – прошептал я. – Одной фразой. Любого так можешь?

– Многих. Не всех. Этот скоро придёт в себя, поспешим.

Огромный вырубленный в сплошной скале зал, освещённый золотистым рассеянным светом, действительно напоминал привычное мне книгохранилище и одновременно храм. Опоясывающие его по периметру полки терялись в вышине под потолком, и на них рядами стояли... книги? Во всяком случае, прямоугольники с буквами и цифрами были точь-в-точь похожи на книжные корешки различной расцветки и тиснения. Если бы они не были столь одинаковыми по толщине и высоте, я мог бы в это поверить. Но нет, тут явно применялась какая-то более прогрессивная – и более ёмкая – технология хранения данных, «корешки» же были всего лишь внешним антуражем. А высоко под потолком торжественно гремел хорал.

– Кто там? Что ещё? Просил же меня не беспокоить! – послышался сквозь музыку раздражённый голос сверху. – Не дадут спокойно отсортировать данные. Уходите!

Я поднял голову. Примерно посередине высоты зала в его центре висела на ажурных фермах небольшая площадка, а на ней стояло массивное кресло. Два экрана, прикреплённые к подлокотникам, слегка подсвечивали профиль сидящего в кресле человека. Конечно, разобрать черты его лица на пятнадцатиметровой высоте было невозможно.

– Джин-Ло, червяк ты книжный! – звонко сказала Осока, заглушая песнопения. – А ну, быстро спускайся сюда. Не то я заберусь к тебе и тогда точно уже вправлю мозги на место!

– Безобразие... – проворчали наверху. – Ри́ла? Что за тон?

– Сейчас я тебе покажу «Ри́ла»!!

– Разрази меня Тьма... Осока??

Кресло неожиданно воспарило над площадкой и стало быстро спускаться вниз. В нём сидел тот самый человек, лицо которого я запомнил по голограмме. Длинные, ниже плеч, сильно выющиеся волосы, выразительные умные карие глаза, довольно крупный нос... и минимум трёхдневная щетина на подбородке. Летающее кресло, в котором он сидел, было оборудовано всем необходимым и даже более того: два плоских монитора и две клавиатуры, по одной под каждой рукой, а третье средство отображения в виде голографического проектора находилось в центре, над коленями, и на нём тоже мерцала какая-то картинка. Вне пределов подлокотников и за спинкой крепились какие-то контейнеры, колбы, агрегаты.

– Гхм, это действительно ты, – сказал Джин-Ло Рэйсс. – Я-то думал, ты погибла.

– Практически. В меня начали стрелять прямо после выхода из гиперпространства. И если бы экипаж корабля *айроо* не осмотрел обломки... Да что говорить! Ты-то, как я погляжу, живешь, не тужишь.

– Что верно, то верно, – Джин-Ло взял со столика у правой руки резную металлическую кружку, на крышке которой красовался расправивший крылья грифон, отхлебнул. – Пива не предлагаю, ты, помнится, его не любишь. Ну-с, и что привело тебя в наши края? И зачем ты притащила сюда этого?

– Грубить, всё-таки, не надо, – холодно произнесла Осока. – А то ведь не посмотрю, что ты легендарный Библиотекарь. Короче. Собери уши в кучку и слушай внимательно. Во-первых, у меня к тебе предложение от кубазов. Хотят купить копии вот этих книг.

– Да-да, давай, посмотрим, – библиотекарь сунул кристалл в слот и стал стремительно пролистывать на мониторе текст, бормоча: – Это продам, это не жалко, а вот этого нет и не было, с чего они взяли... – перевёл один глаз на нас с Осокой и, не прерывая процесса, спросил: – Во-вторых?

– Во-вторых, приглуши, наконец, свои псалмы, надоело орать тебе в ухо! А в-третьих, я, лично я прошу отыскать кое-какую информацию для моего друга, – продолжала она тише, когда громкость хора пошла на убыль.

– Да, и какую же? – Джин-Ло посмотрел на меня с интересом, продолжая, впрочем, изучать список кубазов. – А это они не получают, не доросли вы ещё до этих знаний. Что он хочет узнать?

– Каким образом к нам попал, и как найти его родную систему.

– Впервые сталкиваюсь с таким. Человек не знает, откуда прилетел?

– Алекс, – подсказала Осока.

– Да, Алекс. Кажется, это тионское имя. Вы не тионец? – спросил библиотекарь уже у меня.

– Даже не слышал о такой системе, – я покачал головой.

– Жаль. Вы базик владеете? – осведомился он, будто мы не разговаривали сейчас на этом языке.

– Немного, – ответил я вежливо. Опыт учёбы в институте подсказывал, что великие учёные всегда рассеяны, так есть ли смысл на них обижаться? Этот человек, несмотря на молодость, явно был настоящим учёным.

– А родной язык? – продолжал Джин-Ло.

– Русский.

– Не слышал. Какой универсальный код?

– Знали бы мы универсальный, мы бы не пришли, – раздражённо сказала Осока. – Диалект близок к словиоски и, отчасти, Храмовому, но в таблице близких наречий больше нет.

– Посмотрим-посмотрим, – руки Джин-Ло забегали по обеим клавиатурам одновременно, большими пальцами он касался шариков-трекболов, закончив набор, мгновение смотрел на монитор и снова вводил данные. – Информация по мёртвым языкам крайне скудна, они считаются никому не нужными. Сквозь эти дебри весьма трудно будет пробраться. Кстати, я отыскал удивительно интересные данные касательно планеты Оссус. Ты ведь знаешь, конечно, что я назвал свою организацию «Агенты Оссуса», весьма смышлёные ребята...

– Это лучше потом, Джин-Ло, – осадила его Осока, – сконцентрируйся на поиске.

«Да уж, – подумал я, – это лучше потом, Каа, а то она уже назвала тебя Книжным Червяком, стоит задуматься, что может случиться дальше».

– Всё это где-то лежит, жаль, не знаю, где, – продолжал библиотекарь. – Нужно будет закончить одну программу, которая сама бы искала... Да, между прочим, здесь надо вызвать эту и эту функцию, передавая данные между ними! Хорошо, что вы пришли, четвёртый год над ней бьюсь!

– Не забывай о моём вопросе, – напомнила Осока. – Я понимаю, ты личность разносторонняя, тем не менее, вечно ждать мы не можем.

– Да-да-да. Нет-нет, нужно просмотреть вот этот блок, античность и экспансия, возможно, в нём? Да, а книги тебе запишет Рила. Я ведь тут женился, как ты, наверное, знаешь.

– Нет, не знаю, и кто же она?

– Я не сказал? Чудесная девушка, датомирская колдунья из Дочерей Алии. Рила! – он тронул засветившуюся под пальцем пуговку комлинка и тут же вернул руку на клавиатуру. – Нужна твоя помощь.

Датомирская колдунья оказалась высокой атлетически сложенной особой с роскошными чёрными волосами, распущенными во всю спину. Двигалась она мягко и плавно, словно танцовщица или мастер восточной школы единоборств.

– Рила, познакомься, Осока и Алекс, вот на кристалле список, я пометил, возьми, пожалуйста, в работу, кубазы дают хорошие деньги, всё, иди, не мешай, – на одном дыхании сказал библиотекарь жене.

Датомирка тяжело вздохнула, взяла кристалл и вышла. Видимо, она с подобными манерами давно уже смирилась.

– Боюсь, поиск займёт несколько больше времени, – развёл руками Джин-Ло. – Впрочем, как и копирование. Ждать будете? Рила вам что-нибудь приготовит.

– Сколько ждать? – осведомилась Осока.

– Думаю, что-то около полутора суток.

Секунду я наблюдал, как моя спутница хватается воздухом ртом, не зная, то ли ругаться, то ли расплакаться от бессилия.

– Пожалуй, мы посетим кое-кого ещё, – наконец, успокоившись, прежним холодным тоном произнесла она. – И вернёмся через двое суток. Надеюсь, этого хватит.

– Да, да, безусловно, – библиотекарь, продолжая на одном экране открывать один за другим тексты, на другом вносил правки во что-то, показавшееся мне похожим на блок-схему алгоритма программы, только многомерную.

Прощаясь, Осока произнесла фразу, всю глубину философского смысла которой я оценил значительно позже:

– Имей в виду, если к моему приходу вся возможная информация не будет найдена, я не знаю, что я с тобой сделаю. Но я сделаю, ты меня знаешь.

Уходя, я услышал, как Джин-Лю Рэйсс снова добавил громкости, и торжественная музыка зазвучала в полную силу.

Рила ждала нас за дверью, в коридоре.

– Зайдёте на чашку кофе? – предложила она. Осока покосилась на меня, я возражений не имел, и моя подруга кивнула:

– Пожалуй.

В уютной комнате, освещённой узкими продолговатыми панелями на стыке стен и потолка, Рила откинула от стены столик, быстро накрыла, сама отошла к рехену с голографическим экраном, вставила в него кристалл.

– Одну минуту, – сказала она нам, включая комлинк, вызвала кого-то: – Галл, программируй дройда, будет приносить тебе кристаллы из хранилища. Копируй с них на чистые документы по списку. Прошу не отвлекаться, это срочно и важно, – Рила вернулась к столу, с усталой улыбкой произнесла: – Вот. Чтобы дело двигалось, всё приходится решать самой.

– Давно он облюбовал это кресло? – осведомилась Осока.

– Третий год, – вздохнула Рила. – Раньше было другое, менее комфортное. До него – переоборудованная репульсорная платформа.

– До чего себя довёл, – на лице Осоки было написано неодобрение и жалость одновременно. – Помню его во время обучения: был вполне подвижный и энергичный парень.

– Энергия у него и сейчас бьёт через край, – ответила Рила. – Не вставая.

– А я решил, что он вообще не может ходить, – по-русски сказал я Осоке.

– Может, но ему лениво, – поморщилась та. – Зачем? На кресле есть всё, что необходимо. Не уверена, выходит ли он, как раньше, хоть изредка погулять наружу.

– Спроси, – предложил я.

Осока спросила. Рила грустно поведала, что выходит, но гораздо реже, чем когда-то, и уже не общается с *талзами*, постоянными жителями Орто Плутонии. Не то, что раньше, когда в солнечную погоду они вели длинные беседы о математике и философии.

– Теперь, в основном, гуляю я, когда вывожу с Тоттом и Ен Су на тренировку молодых агентов, – сказала она. – На станции была три месяца назад... одна.

– Печально всё это, – сочувственно молвила Осока.

– Да не так уж. У меня есть любимое дело, и я им занимаюсь. Знаете, сколько талантливых агентов подготовили мы? Информация течёт рекой. Пожалуй, без нас ни независимые миры, ни Соппротивление просто не выжили бы.

На прощание Рила пообещала подготовить Осоке особый кристалл, содержащий способы безопасной связи с Агентами Оссуса на разных планетах – такие, чтобы ни их не засветить, ни самой не раскрыться.

– За Джина не беспокойтесь, – добавила она. – Выполнить обещание я его заставлю, опыт есть.

Рила протянула руку, и длинная палка из тёмного дерева с массивным навершием, стоявшая в углу, неожиданно качнулась... и сама прыгнула в руку девушки! Я не поверил своим глазам. Здесь точно не фантазийный мир? Кажется, слово «колдуньи» в отношении датомирских Сестёр употребляется вовсе не в переносном смысле.

– Ты это видела? У меня не глюки? – спросил я у Осоки, шагая вместе с ней по снегу к нашему пепелаци.

– Ты о чём?

– Посох. Она будто притянула его на расстоянии.

– Умения старинных мастеров, – пожала плечами моя подруга. – Научиться им трудно, но не невозможно. Я тоже немного умею. Вот, гляди.

Она вытянула вперёд руку с растопыренными пальцами, и из снежной поверхности под «Горгульей» с сухим шорохом поднялся небольшой комок. Повисел пару секунд, затем с силой метнулся вверх и разбился о нижнюю часть одного из двигателей.

– Потрясающе! Так могут только женщины?

– Пол не играет роли, – улыбнулась Осока. – Просто кто-то способный, кто-то нет. И сильно зависит от желания. Рэйсс вот тоже способный, а засунул талант в... под книги, в общем.

6

От Орто Плутонии до пересадочной станции «Румелия» я первый раз вёл пепелац самостоятельно. И это был первый межпланетный космопорт, хоть как-то соответствующий моим представлениям о подобного рода объектах. Все остальные производили впечатление, скорее, военных баз или пристанищ космических пиратов. Здесь на чёрном искристом бархате пространства возлежало нечто, напоминающее инкрустированный драгоценными камнями фельдмаршалский жезл. Россыпи разноцветных огней опоясывали многочисленные секции станции, то цилиндрические, то гранёные, то шаровидные, из отсеков сквозь остекление пробивался золотистый свет. Космическое движение вокруг было не менее оживлённым, чем на Дворце Пряностей. Сенсоры «Горгульи» обнаружили около двадцати различных аппаратов. Когда мы приблизились, от станции как раз отваливал внушительных размеров контейнеровоз, состоящий из тягача и трёх связок контейнеров по четыре штуки, закреплённых над – или под – ним. Звонкий голос женщины-диспетчера в комлинке потребовал от всех остальных кораблей переждать его отправление. Когда контейнеровоз удалился на безопасное расстояние, диспетчер в порядке живой очереди начала раздавать разрешения на посадку и взлёт, называя номера ангаров. Дождавшись наших позывных, я довернул пепелац в направлении ангара, помеченного местной цифрой «3» и плавно дал тягу.

Осока взялась за управление только перед самым порталом, и то одними кончиками пальцев, придерживая, чтобы лучше чувствовать мои действия, как опытный инструктор, контролирующий посадку курсанта лётной школы.

– Не стесняйся маневрировать медленно, – приговаривала она. – Главное, чтобы аккуратно. Как там ты говоришь? «Быстро хорошо не бывает»? Вот не спеши. Плавно. Так, так, и выпускаем опоры. Молодчина!

У трапа нас поджидали три синеккожих человека в форменной одежде. У того, что постарше, на голове была шапка, по форме похожая на клобук архиерея, только без покрывала. Наклонную шёлковую ленту на ней пересекала посередине золотая полоска, ниже, в треугольном вырезе над бровями красовалась какая-то сложная эмблема. Чиновник? Двое других, видимо, были солдатами или полицейскими: округлые головные уборы с кокардой в виде золотистой медузы, серо-синие комбинезоны, отделанные светло-серым кантом по воротнику, укороченные сапоги.

– Таможенный контроль, – солидно произнёс чиновник. – Предъявите!

Осока поднесла «рожки» своего планшета к планшету таможенника.

– Благодарю, – кивнул тот. – Почтовые контейнеры сгрузите здесь, их заберут в десять часов, – он указал на заштрихованную синими полосами площадку в углу стояночного пространства.

– Да-да, я помню ваши правила, – ответила Осока. – Алекс, мне придётся ждать почтальона, сходи пока, оплати стоянку. Справишься?

– Надеюсь, – я пожал плечами. – Где это у них?

– Тут схема такая: доходишь до конца ангара, по пандусу вверх, там кольцевой коридор. На внутренней стене магазина и там же контора, напротив входа в пятый ангар. Наш – третий, значит, идти надо направо. Держи деньги. Спасибо.

Глубина ангара оказалась под стать его ширине, метров триста, если не больше. Транспортные средства выезжали из него через ворота, пешеходы поднимались по двум пандусам вдоль перегородки на балкон, с которого, в свою очередь, можно было перейти в коридор. Контору я нашёл по большому светящемуся гербу, резко выделявшемуся среди прямоугольных вывесок местных магазинов. Назвать служащему ангар и стояночное место оказалось недостаточно, пожилой чиновник переспросил у меня ещё и регистрационный номер судна. Как

хорошо, что Осока заранее позаботилась и заставила меня вызубрить пять букв и девять цифр, из которых он состоял! Обратно я шёл уже не спеша, попутно изучал нюансы здешней моды, в изобилии демонстрируемой дамами всех возрастов. Исключая комбинезоны, на «Румелии» женщины редко ходили просто в штанах. Чаще присутствовало сочетание брюк или юбки с более длинной верхней одеждой, не знаю, как точно её назвать, лёгкое пальто, что ли. Носили её так, чтобы она оставалась распахнутой, даже когда подпоясана широким декоративным ремнём, и открывала переднюю часть кофточки и юбки или брюк. Из-за голубоватой кожи панторанки предпочитали красно-синюю и серую гамму цветов. Рубашки и платья с орнаментом носили и без пальто. Они, вероятно, являлись национальной одеждой, поскольку женщин других рас, одетых в такие, я не заметил. Иностранки практически ничем не отличались от тех, кого я встречал на Сокорро или Суарби, только одеты были менее легко. Температура на станции показалась мне не вполне комфортной, думаю, около девятнадцати градусов, а из вентиляционных решёток веяло довольно зябким ветерком.

Возле одного из небольших кафе – здесь это слово произносили чуть иначе, «кэф» – расположенных у внешней стороны коридора, ухо моё уловило знакомую речь. Я замедлил шаги. Разговаривали двое мужчин. Изъяснялись они примерно так же, как Осока в первый день нашего знакомства, а в русском переложении беседа звучала вот как:

– Ну, как генеральша? Всё бушует? – спрашивал один.

– Как обычно. Требовала сказать ей правду. Говорю – не верит.

– Да разве она что понимает в этом?

– Ладно, Базили. Уволить она нас не уволит, мы ей слишком нужны. А больше что она нам может сделать? Премии лишить? Так я за неделю больше нахалтурю. А грязным ходить тоже надоело!

– Точно! Дай пять! И вообще. Чего она в личную жизнь ко всем лезет? Как отдыхаем, что пьём, где моемся... Я, что, работу свою плохо выполняю? А после смены – уж извини-подвинься, дело моё!

Осока к моему возвращению успела не только сдать почту, но и переодеться в белоснежную тунику из ворсистой ткани и сверкающие металлом синие брючки-лосины. Когда я вошёл, она как раз перекладывала всякие мелочи из сумки своего повседневного ремня в другую, подвешенную к нарядному плетённому пояску.

– Успешно? – спросила она. – Спасибо большое. А теперь пойдём в гости к моей подруге.

– Слышал разговор двух мужичков, – стал рассказывать я по дороге, – наверно эти, бреганцы. Жалуются на какую-то ужасно строгую начальницу. Генеральшей называли. Лютует, говорят, в частную жизнь сотрудников вмешивается.

– Генеральшей? О, под это определение подходит только одна на всей станции, – улыбнулась Осока. – Сейчас я вас познакомлю.

Громадный, как зал небольшого кафе, лифт поднял нас на богато оформленный верхний этаж. В кольцевом коридоре на внешней, вогнутой стене тянулся длинный ряд дверей, окаймлённых мягкими валиками уплотнителей и снабжённых по контуру заклёпками, возможно, декоративными. Надписи на них сообщали, кто из администрации какой из кабинетов занимает. Осока уверенно приблизилась к самой дальней от лифта двери, за которой коридор обрывался глухой перегородкой.

– Сюда? – удивился я.

– Да, идём-идём.

Почти половину небольшой приёмной занимало длинное мягкое сиденье со спинкой, смонтированное прямо в стену, напротив него за прозрачным барьером стоял, тускло блестя металлическим корпусом, человекоподобный дройд-секретарь. При виде нас он не задал ни единого вопроса, просто вытянулся по стойке смирно и проскрипел, что мы можем войти. Вслед за Осокой я вошёл в кабинет с большим прозрачным окном, глядящим прямо в кос-

мос. Вдоль одной из боковых стен тянулась светлая мебельная стенка из дерева или же под дерево, в углу блестел выпуклой стенкой прозрачный цилиндр с дверьми, очевидно, подъёмник. Другая стена представляла собой огромный пейзаж: покрытая сине-зелёной растительностью долина, окружённая горами, белые шапки снегов на пиках и кучевые облака в пронзительно-синем небе. Посредине кабинета стоял вполне привычный мне по обиталищам наших чиновников Т-образный стол, окружённый многочисленными стульями. Из-за него навстречу нам поднялась хрупкая женщина с голубоватой кожей и огромными печальными золотистыми глазами. Волосы нежно-розового цвета были уложены в два массивных шиньона по бокам головы. Бросившись к Осоке, она крепко обняла её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.